B 4/93

2007059095

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

АЛЕКСАНДРЪ ЯРОСЛАВИЧЬ

НЕВСКІЙ.

Князь Александръ Невскій сынъ Великаго Князя Ярослава Всеволодовича родился въ 1219 году, 30 Маія [1]. Отецъ его въ это время былъ еще удѣльнымъ княземъ Переяславскимъ и жилъ въ своемъ удѣлѣ. Первые годы Александрова дѣтства намъ неизвѣстны; въ первый разъ по рожденіи лѣтописи упоминаютъ объ Александрѣ подъ 1228 годомъ, когда Ярославъ оставилъ его въ Новгородѣ вмѣстѣ съ старшимъ его братомъ Ѳеодоромъ подъ надзоромъ боярина Ѳеодора Даниловича и судіи Іоакима [2]. Такимъ образомъ Александру съ ранняго дѣтства суждено было жить въ томъ краю, гдѣ въ послѣдствіи онъ сдѣлался знаменитымъ и славнымъ. Но на первый разъ Александръ не жилъ въ Новгородѣ и году; безпрестанные мятежи и ссоры Новгородцовъ съ Ярославомъ принудили пѣступовъ Александровыхъ и Ѳеодоровыхъ бѣжать изъ Новгорода тайно почью. Впрочемъ не прошло и году, какъ Новгородцы примирились съ Ярославомъ; и въ 1230 году оба брата, Ѳеодоръ и Александръ, опять посланы княжить въ Новгородѣ; послѣ чего Александръ, въ продолженіи десяти лѣтъ, безсмѣнно былъ Новгородскимъ княземъ, выросъ тамъ и на двадцатомъ году своей жизни вступилъ въ бракъ съ дочерью Полотцкаго Князя Брячислава.

Ежели безспорно, что обстоятельства сопровождающія нашу жизнь въ молодости, имѣютъ большое вліяніе на образованіе на-

---

[1] Тат. Т. Ш. стр. 423.

[2] Ibid. стр. 450. и Новг. I. стр. 43.

БИБЛИО

шего характера; то несомнѣнно, что Александръ Невскій твердостію своей воли, обдуманнымъ и постояннымъ преслѣдованіемъ разъ принятой цѣли, умѣньемъ видимо уступать, выжидать время, и дѣйствовать рѣшительно, когда этого требуютъ обстоятельства, вполнѣ обязанъ своей постоянной Новгородской жизни въ молодости. Здѣсь Александръ по необходимости долженъ былъ пріучить себя къ постоянной осторожности, къ неусыпному надзору за своими поступками и къ умѣнью достигать своихъ цѣлей нераздражая противниковъ и въ тоже время непоблажая ихъ своеволію. Ибо въ Новгородѣ онъ жилъ какъ бы между двухъ огней: т. е. завися съ одной стороны отъ непреклонной воли отца, постоянно стремившагося развить княжескую власть въ вольнолюбивомъ краю, и съ другой—отъ свободной воли Новгородцовъ, хорошо понимавшихъ виды Ярослава и старавшихся по возможности отстоять свою самостоятельность и народную независимость. Отецъ требовалъ безъусловнаго исполненія своихъ приказаній, явно противныхъ Новгородцамъ, а Новгородъ хотѣлъ чтобы его Князь былъ въ согласіи съ интересами и волею народа. Неисполняя отцовскихъ приказаній, Александръ лишался его поддержки и немогъ жить въ Новгородѣ; исполняя же ихъ, онъ рисковалъ нетолько утратить любовь народа, но даже лишиться свободы или подвергнуться оскорбительному изгнанію, чему примѣровъ такъ много видѣлъ между своими предшественниками. Но Александръ успѣлъ такъ хорошо поставить себя и такъ ловко приноровиться къ обстоятельствамъ, что и отецъ оставался имъ доволенъ, и Новгородцы невозставали на его распоряженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ первые годы своей жизни въ Новгородѣ, будучи еще малолѣтнымъ, немогъ самъ управлять народомъ и за него правили отцовскіе бояре, его пѣстуны, подъ руководствомъ и при дѣятельной помощи самаго Ярослава; слѣдовательно всѣ успѣхи за это время принадлежатъ собственно Ярославу и его боярамъ. Но тѣмъ неменѣе въ продолженіи этихъ лѣтъ незамѣтно выработывался характеръ Александра; складывались тѣ черты, которыя въ послѣдствіи составили то прекрасное цѣлое, которое доставило Александру уваженіе современниковъ и славу въ дальнемъ потомствѣ. Чтобы быть точкою соприкосновенія между Новгородомъ и Ярославомъ, Александръ еще въ ранней молодости долженъ былъ пріобрѣсти вниманіе Новгородцовъ своею обходительностію съ народомъ, своимъ умомъ и своими поступками, кото-

рые бы обличали въ отрокѣ и юношѣ будущія доблести мужа; и Александръ кажется вполнѣ исполнилъ это назначеніе своей молодости; ибо въ противномъ случаѣ Новгородцы, въ продолженіи десяти лѣтъ, двадцать бы разъ успѣли послать къ Ярославу съ просьбою перемѣнить неугоднаго князя. Но во все это время Новгородъ ни разу не выказывалъ своего неудовольствія противъ Александра, хотя опека Ярославовыхъ бояръ безъ сомнѣнія была не по сердцу вольному народу; слѣдовательно Александръ еще въ ранніе годы молодости успѣлъ снискать любовь Новгородцовъ; а это по тогдашнему времени былъ уже великій подвигъ даже и для взрослаго Князя; ибо со времени Всеволода Мстиславича, въ продолженіи почти ста лѣтъ ни одинъ Князь не жилъ въ Новгородѣ болѣе пяти лѣтъ, а Александръ прожилъ тамъ десять лѣтъ. И современники вполнѣ цѣнили достоинства Александра, слава о немъ гремѣла далеко, по свидѣтельству лѣтописей, въ цѣлой Россіи небыло области, которая бы не желала имѣть его своимъ Княземъ.

Семнадцати лѣтъ Александръ уже безъ посредства отца вступилъ въ управленіе Новгородомъ, ибо Ярославъ въ 1236 году уѣхалъ въ Кіевъ, получивши себѣ тамошній престолъ.

Въ первый годъ самостоятельнаго правленія Александра въ Новгородѣ ему предстояла роковая борьба съ Татарами; ибо Батый, покоривши Рязанское и Владимирское княженія, быстро шелъ къ предѣламъ Новгородскимъ, и послѣ двухнедѣльной жестокой осады уже взялъ Торжокъ, изсѣкъ его жителей, и двинулся Селигерскимъ путемъ къ самому Новгороду, опустошая и истребляя все по дорогѣ. Но Богу не угодно было предать неминуемому разоренію Новгородъ: по словамъ лѣтописей за Новгородцевъ заступились Святая Софія и Святый Кириллъ Александрійскій; четвертая Новгородская Лѣтопись прямо говоритъ; »и они безъбожніи вспятишася отъ Игнача креста, прогнана Св. Кирилломъ.[4] Батый, не доходя за сто верстъ до Новгорода, своротилъ отъ Игнача креста къ Козельску, и такимъ образомъ Новгородцы и Князь Александръ спаслись отъ Батыева нашествія. Александръ, вступивши въ полное управленіе Новгородомъ, такую уже имѣлъ о себѣ славу въ Новгородѣ, что его знали уже за предѣлами тогдашней Руси. Лѣтописецъ, приступая къ описанію его подвиговъ, говоритъ:« Воз-

---

[3] Новг. I. стр. 50.

[4] Новг. IV. стр. 34.

растъ его паче инѣхъ человѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ яко Іосифа прекраснаго, еже бѣ поставилъ его Египетскій царь втораго царя въ Египтѣ, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсоня, и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость же яко царя Римскаго Еуспасьяна, еже бѣ плѣнилъ всю землю Іудейску.« [5] Далѣе тотъ же лѣтописецъ продолжаетъ: «Сего ради пріиде нѣкто отъ западныя страны, еже парицаются слуги Божія, оттолѣ пріиде хотя видѣти дивный возрастъ. Яко же древле царица Южская приходи ко Царю Соломону, хотя слышати премудрость его; такоже и сей именемъ Андреяшь, (это былъ Могистръ Ливонскій Андрей Вельвенъ.) [6] видѣвъ Великаго Князя Александра Ярославича, взратися къ своимъ и рече: проходихъ многы страны и языкы, невидѣвъ такого ни въ Царихъ Царя, ни въ Князихъ Князя.« [7] Другіе лѣтописцы сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ и съ Ахиллессомъ. [8] Въ особомъ жизнеписаніи Александра сказано: что онъ успѣлъ окружить себя дружиною храбрыхъ, »у Князя Александра бѣ множество храбрыхъ, яко же древле у Давыда царя; бяху бо сердца ихъ, аки сердца львовъ.« [9] Весь складъ разсказа о подвигахъ Александра, по всѣмъ лѣтописямъ, явно свидѣтельствуетъ, что этотъ князь пользовался такою же народностію у современниковъ какъ и давній предокъ его Великій Владимиръ, и его также сравнивали съ солнцемъ Руской земли; такъ Митрополитъ Кириллъ при вѣсти о кончинѣ Александра говорилъ: »чада моя милая разумѣйте яко зайде солнце земли Руской« [10].

Въ 1239 году Александръ вступилъ въ бракъ съ дочерью Полотскаго Князя Брячислава, вѣнчанье было въ Торопцѣ, тамъ же былъ и свадебный пиръ, который Александръ повторилъ и въ Новгородѣ; въ Новгородской лѣтописи сказано: »вѣнчася въ Торопци, ту кашу чини, а въ Новгородѣ другую.« [11] Но очевидно что Александръ дѣлалъ двойные пиры не изъ любви къ пирамъ, а

---

[5] Лавр. стр. 204.
[6] Арцыб. II. стр. 3.
[7] Лавр. стр. 205.
[8] Соф. Врем. Т. I. стр. 249.
[9] Карам. IV. прим. 31.
[10] Соф. Врем. 1 стр. 273.
[11] Новг. I. стр. 52.

изъ желанія дѣлиться своею радостію съ народомъ, онъ хотѣлъ, чтобы народъ былъ его семьею, чтобы его домашняя жизнь имѣла тѣсную связь съ государственною жизнію: и съ своей стороны оправдывалъ эту неразрывность своими поступками; ибо въ тотъ же 1239 годъ, по совѣту съ Новогородскимъ вѣчемъ, занялся укрѣпленіемъ Новгородскихъ владѣній и построилъ нѣсколько крѣпостей по Шелони [12].

Забота о построеніи крѣпостей въ Новгородской землѣ въ это время была необходима; ибо съ одной стороны Литва, а съ другой Нѣмцы, утвердившіеся въ Ливоніи, годъ отъ году болѣе и болѣе врывались въ Новгородскія и Псковскія владѣнія; такъ что Ярославъ, вообще довольно тяжелый для Новгородцовъ, по необходимости былъ терпимъ народомъ, а Псковъ даже принужденъ былъ войти въ тѣсныя связи съ Рижскими Нѣмцами, чтобы общими силами отражать опустошительные набѣги Литвы, годъ отъ году усиливавшейся и дѣлавшейся страшною для сосѣдей [13]. Впрочемъ, пока Ярославъ самъ участвовалъ въ защитѣ Новгородскаго края, то обстоятельства Новгородцовъ много еще облегчались тѣмъ, что Ярославъ каждый разъ приводилъ съ собою низовые полки, слѣдовательно Новгородцы сражались не одни: но съ удаленіемъ Ярослава въ Кіевъ и особенно съ нашествіемъ Батыя, Ярославу было уже не до Новгорода; и по сему онъ, въ 1236 году, оставляя тамъ Александра самостоятельнымъ княземъ съ тѣмъ вмѣстѣ предоставлялъ и Новгородъ собственнымъ силамъ и средствамъ; что конечно немогли незнать своекорыстные и непріязненные сосѣди Новгородцовъ Литва и Нѣмцы, и по сему естественно спѣшили воспользоваться благопріятными для нихъ обстоятельствами. Такимъ образомъ Александру достался жребій едвали не труднѣйшій передъ всѣми жребіями современныхъ Князей; прочимъ князьямъ предстояла борьба съ Татарами, противъ которыхъ оставалось одно средство безъусловная покорность, конечно средство горькое и унизительное, но тѣмъ не менѣе спасительное, и какъ необходимость ничемъ неотразимая, тѣмъ самымъ уже не безчестное для князей, которые, неимѣли нужды оправдываться передъ народомъ, ясно сознававшимъ Татарское могущество. Но совсѣмъ не такова борьба досталась Александру: враги его были Нѣмцы и

---

[12] Новг 1 стр. 52.

[13] Новг. I. стр. 50.

Литовцы, которыхъ не разъ поражали Новгородскіе и другіе Русскіе Князья; слѣдовательно покориться таковымъ врагамъ или не побѣдить ихъ значило заклеймить себя безславіемъ, и къ тому же народъ и всю страну погубить на вѣки, безъ всякой надежды хотя на позднее освобожденіе; ибо Александръ и окружавшіе его хорошо должны были знать, какъ Нѣмцы разпоряжались въ покоренной ими Ливоніи, и конечно не могли ждать лучшаго и для Новгорода. Но прежніе князья Новгородскіе, воюя съ Нѣмцами и Литовцами, располагали средствами Новгородскими и своими собственными, получавшимися отъ ихъ наслѣдственныхъ владѣній; Александръ же долженъ былъ совершенно зависѣть отъ однихъ Новгородскихъ средствъ, слѣдовательно, очевидно былъ слабѣе своихъ предшественниковъ; тогда какъ враги его были гораздо сильнѣе противъ прежняго, ибо Ливонцы въ это время соединились съ сильнымъ Нѣмецкимъ Орденомъ Св. Маріи, а Шведы усилились побѣдами своего знаменитаго полководца Биргера, Литовцы же годъ отъ году дѣлались страшнѣе и въ 1237 году одержали важную побѣду надъ соединенными силами Ливонцовъ и Псковитянъ [14].

Первыми врагами Новгорода явились Шведы, которые, въ 1240 году, подъ предводительствомъ вождя своего Биргера вошли въ Неву и достигли уже устья Ижеры, когда вѣсть объ ихъ нашествіи достигла Новгорода [15]. По свидѣтельству лѣтописей, Шведы собрали множество воевъ: съ ними были и Мурмане, и Сумь, и Емь, они шли къ Ладогѣ съ тѣмъ, чтобы, по занятіи ее, ударить на Новгородъ и, взявъ его, завладѣть всею Новгородскою землею [16]. Софійскій временникъ и четвертая Новгородская лѣтопись даже свидѣтельствуютъ, что предводитель Шведовъ прислалъ сказать Александру: »выходи противъ меня, ежели можешь противиться, я уже здѣсь и плѣню твою землю.« [17] Вѣсть о врагахъ несмутила 20 лѣтняго Александра, а гордый вызовъ даже раздражилъ его мужество. Медлить было не время, какія либо сто верстъ отдѣляли враговъ отъ Новгорода, ждать помощи было неоткуда, [18] дожидаться пока соберется вся Новгородская земля, — значило отдать Ладогу на жертву и дать время врагамъ стать твердою ногою въ Новгород-

---

[14] Новг. I. стр. 50.

[15] Новг. IV. стр. 35.

[16] Новг. I. стр. 53.

[17] Новг. IV. стр. 35. Соф. вр. Т. I. стр. 251.

[18] Лавр. стр. 205.

ской странѣ. Александръ быстро сообразилъ всѣ сіи обстоятельства и, возложивъ все упованіе на Бога, далъ приказъ собраться дружинѣ и наличнымъ Новгородцамъ и Ладожанамъ, самъ же, вошедши въ церковъ Св. Софіи палъ на колѣни передъ алтаремъ, и послѣ горячей тайной молитвы, вставъ съ словами псалма: „суди Господи обидящимъ мя, и възбрани борющимся со мною; пріими оружіе и щитъ, встани въ помощь мнѣ.« подошелъ къ Архіепископу Спиридону, и принявъ отъ него благословеніе для себя и для войска, вышелъ изъ церкви утирая слезы, и [19] съ полною надеждою на помощь Божію, началъ устроивать воиновъ и укрѣплять ихъ въ мужествѣ, говоря словами пророка: »не въ силахъ Богъ но въ правдѣ, помянемъ пѣснописца Давыда, глаголюща: «сіи во оружіи, а сіи на конѣхъ, мы же имя Господа Бога нашего призовемъ; и ти въ спяти быша и падоша.» [20] воодушевленная, полная жизни и упованія рѣчь Александра совершенный имѣла успѣхъ въ сердцахъ воиновъ и народа, всѣ воодушевились надеждою и мужествомъ; народу благочестивому правилось благочестіе Князя, его надежда на помощь Божію передалась и Новгороду; близость врага сильнаго, обыкновенно производящая въ народѣ уныніе и смятеніе, неимѣла этого обычнаго дѣйствія на Новгородцовъ въ настоящее время, всѣ единодушно вѣрили, что Богъ не оставитъ благочестиваго и мудраго Князя, который въ немъ одномъ ищетъ спасенія и защиты, и всѣ спѣшили присоединиться къ немногочисленной дружинѣ храбрыхъ. По единогласному свидѣтельству лѣтописей, народъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что тщетны и безумны всѣ гордые замыслы врага, что на немъ нѣтъ Божія благословенія; [21] и это убѣжденіе и увѣренность въ помощи Божіей такъ воодушевили Новгородцовъ, что они, недожидаясь прибытія своихъ собратій спѣшившихъ присоединиться къ войску, быстро двинулись на встрѣчу врагамъ. Но прежде Шведовъ непріятелей ихъ встрѣтилъ вѣрный слуга Новгорода, старшина Ижерскій благочестивый Пелгусій, которому отъ Новгородцевъ была поручена стража морская; онъ разсказалъ Александру расположеніе и укрѣпленія непріятельскихъ полковъ, и между прочимъ объявилъ, что на восходѣ солнечномъ, когда осматривалъ вражескіе полки, онъ внезапно

---

[19] Ibid.

[20] Соф. вр. I. стр. 252.

[21] Новг. I. стр. 53. Новг. IV. стр, 35. Соф. Вр. I. стр. 25. Лавр. I. стр, 205.

былъ пораженъ необычайнымъ шумомъ на морѣ и увидалъ одинокій насадъ съ гребцами, одѣтыми какъ бы мглою, и среди ихъ Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба! изъ которыхъ первый говорилъ брату своему: брате Глѣбе, вели грести, да поможемъ сроднику своему Великому Князю Александру Ярославичу.« [22] Этотъ благочестивый разсказъ еще болѣе укрѣпилъ Александра въ несомнѣнной надеждѣ на помощь небесную, и онъ, по чувству истинно Христіанскаго смиренія, запретивъ Пелгусію разглашать о свидѣніи, немедленно двинулся на непріятелей, которые были не вдалекѣ и которыхъ расположенія и укрѣпленія онъ уже зналъ изъ разсказа Пелгусія. Битва началась 15 Іюля, въ день памяти Равноапостольнаго Великаго Князя Владимира, просвѣтителя Руси, въ шестомъ часу дня и продолжалась до ночи. [23] Шведы бились упорно; но упорство имъ не помогало, разбитые на всѣхъ пунктахъ и потерявъ храбрѣйшихъ и знаменитѣйшихъ воиновъ, они не осмѣлились даже остаться на полѣ битвы до утра, и ночью же, посадивши на корабли, убѣжали во свояси, наклавши три цѣлыхъ корабля тѣлами лучшихъ мужей, и оставивши поле битвы, усѣянное трупами своихъ собратій, изъ которыхъ впрочемъ часть успѣли похоронить въ нѣсколькихъ ямахъ [24]. Побѣда Новгородцовъ такъ была велика и чрезвычайна, что они, въ чувствѣ благочестиваго истинно Христіанскаго смиренія, даже не осмѣливались приписать ее себѣ и, зная малочисленность своей дружины и великую силу враговъ, говорили, что за нихъ и съ ними вмѣстѣ сражались Ангелы Божіи, и, указывая на противоположный берегъ Ижеры, покрытый непріятельскими трупами, утверждали, что полки Александровы тамъ не были и даже не могли пройти туда, что силы небесныя поражали здѣсь непріятелей [25].

Александръ Ярославичь, возвратясь въ Новгородъ, спѣшилъ принесть благодареніе Господу за дарованную побѣду; онъ, какъ истинный христіянинъ, молчалъ о своихъ подвигахъ и только славилъ и величалъ милость Божію. Но умалчивая о себѣ, онъ не забывалъ о своихъ сподвижникахъ; какъ вождь мудрый и мужественный всюду присутствовавшій во время сраженія и видѣвшій все собственными

---

[22] Лавр. стр. 205

[23] Соф. Вр. I. стр. 252 и 253.

[24] Новг. 1. стр. 53.

[25] Лавр стр. 206.

глазами, онъ цѣнилъ подвиги каждаго по ихъ истинному достоинству и, оцѣнивая, старался самъ разглашать и разсказывать о нихъ современникамъ, съ тѣмъ чтобы память о доблестяхъ усердныхъ и добрыхъ слугъ отечества дошла до поздняго потомства [26]. Такъ онъ самъ разсказалъ лѣтописцу о нѣсколькихъ храбрыхъ мужахъ, мужески подвизавшихся въ Невской битвѣ и своими подвигами много способствовавшихъ пораженію непріятелей [27]. Уважая память Александра и желая почтить память его подвижниковъ, которыхъ онъ самъ призналъ достойными этой памяти, мы считаемъ непремѣнною обязанностію привесть этотъ разсказъ тѣми почти словами, какими онъ переданъ въ лѣтописи, и тѣмъ болѣе находимъ это необходимымъ, что разсказъ сей, заключающій въ себѣ частію разговоръ Александра, частію свидѣтельство другихъ участниковъ Невскаго боя, превосходно характеризуетъ духъ того времени. Вотъ слова лѣтописи. «Здѣсь явились въ полку Великаго Князя Александра Ярославича шесть мужей храбрыхъ, которые крѣпко мужествовали съ Княземъ. Первый былъ именемъ Гаврило Олексичь, онъ наѣхалъ на шнеку, и видя, что несутъ Королевича подъ руки, взъѣхалъ до самаго корабля по той же доскѣ, по которой несли Королевича, и когда оттолкнувши доску, сбросили его въ море вмѣстѣ съ конемъ, то онъ снова бросился къ кораблю и вступилъ въ бой съ самимъ воеводою, и такъ крѣпко бился, что убилъ и воеводу и бискупа. Другой былъ Новгородецъ Сбыславъ Якуновичь; этотъ много разъ въѣзжалъ въ самыя густыя полчища непріятелей съ однимъ только топоромъ, и такъ безстрашно разсѣкалъ толпы противниковъ, что всѣ дивились его силѣ и храбрости. Третій Яковъ Полочанинъ, ловчій Князя, съ своимъ мечемъ одинъ ударилъ на цѣлый полкъ непріятелей, и такъ мужественно и крѣпко поражалъ ихъ, что самъ Князь похвалилъ его. Четвертый Новгородецъ, именемъ Миша, собравъ дружину соратниковъ, пѣшій бросился въ море и погубилъ три корабля Шведовъ. Пятый былъ нѣкто изъ младшихъ воиновъ, по имени Сава, онъ наѣхалъ на большой златоверхій шатеръ королевъ и уронилъ его, подсѣкши столпъ, и тѣмъ возвѣстилъ побѣду полкамъ Александровымъ, которые, видя паденіе шатра непріятельскаго, возрадовались. Шестый мужественный воитель былъ слуга Александровъ Ратмиръ, сей бился пѣшій и погибъ отъ

---

[26] Ibid.

[27] Лавр. стр. 206.

ранъ, врубившись въ толпу Шведовъ. Вотъ подвижники, память которыхъ желалъ почтить Александръ Ярославичь; ихъ подвиги состояли въ полной довѣренности къ своей силѣ и совершенномъ отсутствіи боязни; они намъ кажутся невѣроятными, да и немудрено, имъ дивились современники и даже очевидцы.

Впрочемъ избавившись отъ одного врага, Новгородцы должны были вступить въ борьбу съ другими непріятелями; въ слѣдъ за Невскою битвою, а можетъ быть и въ одно время съ нею, Нѣмцы, жители Оденне, Дерпта и Феллина, предводительствуемые Рускимъ бѣглецомъ Княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, захватили Изборскъ и, разбивъ Псковитянъ, посадили у нихъ въ начальники своего клеврета, Псковскаго жъ измѣнника Твердилу Ивановича, который началъ властвовать во Псковѣ за-одно съ Нѣмцами и сталь нападать даже на Новгородскія села. Но упоенные недавнею побѣдою, Новгородцы не обращали вниманія на Псковскія дѣла и даже разсорились съ самимъ Александромъ, такъ что въ слѣдующую же зиму Князь со всѣмъ своимъ семействомъ удалился къ отцу, который далъ ему Переяславль. Что было причиною ссоры и удаленія Александра— лѣтописи объ этомъ не говорятъ; но какъ бы то ни было, Новгородцы скоро увидали свою ошибку; ибо, въ слѣдъ за отъѣздомъ Александра, Нѣмцы въ ту же зиму заняли Водьскую пятину, построили городъ въ Копорскомъ погостѣ, захватили Тесовъ съ одной стороны и начали грабить и избивать гостей за 30 верстъ отъ Новгорода, а съ другой стороны разсыпались по Лугѣ до Сабельскаго погоста [28]. Таковые успѣхи Нѣмцовъ ясно вразумили Новгородцовъ, что безъ Александра имъ неустоять противъ враговъ, и они немедленно послали къ Ярославу просить Князя. Ярославъ прислалъ къ нимъ другаго своего сына Андрея; но не Андрей былъ нуженъ для Новгорода, онъ не могъ ободрить Новгородцовъ; они отправили къ Ярославу самаго Архіепископа и лучшихъ мужей снова просить въ Князья Александра. Между тѣмъ Литва, Нѣмцы и Чудь съ разныхъ сторонъ устремились на Новгородскую область и заняли всѣ мѣста по Лугѣ и пограбили скотъ и коней, такъ что на весну не гдѣ и нечѣмъ было пахать [29]. Убѣжденный несчастіями Новгорода и усильными прозьбами посольства, наконецъ Ярославъ отпустилъ и Александра.

---

[28] Новг. I. стр. 53.

[29] Новг. 4. стр. 37. и Новг. I. стр. 53.

Съ возвращеніемъ доблестнаго Князя, Новгородъ ожилъ; народъ какъ бы выросъ; немедленно собралось храброе войско: Новгородцы, Ладожане, Корела и Ижорцы спѣшили къ знаменамъ Александровымъ; надежда и бодрость снова воодушевили унывшихъ слугъ Новгорода. Александръ, пользуясь ихъ воодушевленіемъ, прямо пошелъ на Нѣмцовъ къ Копорью, взялъ городъ, Нѣмцовъ — одинхъ привелъ въ Новгородъ плѣнниками, а другихъ отпустилъ милостиво, Чудь же и Вожанъ, возмутившихся противъ Новгорода и пригласившихъ Нѣмцовъ, велѣлъ перевѣшать въ страхъ мятежникамъ. Но ратоборцу за Рускую землю не было суждено наслаждаться плодами своей побѣды; его ждалъ новый подвигъ горькій, безотрадный, но необходимый. — Верховный повелитель тогдашней Руси Ханъ Кипчакской орды Батый, наслышавшись о подвигахъ Александра изъявилъ желаніе видѣть его у себя, и Ярославъ немедленно вызвалъ сына во Владимиръ и оттуда отправилъ въ Орду для изъявленія унизительной покорности Хану; Батый будучи, самъ храбрымъ воителемъ, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, милостиво и честно принялъ доблестнаго Князя и, не задержавъ, отпустилъ на родину [30].

Возвратясь во Владимиръ, Александръ получилъ печальныя вѣсти изъ Новгорода. — Нѣмцы, пользуясь его отсутствіемъ, зимнимъ временемъ напали на Псковъ, разбили тамошніе полки и, занявъ городъ, посадили въ немъ своихъ тіуновъ. Это извѣстіе и многія другія обстоятельства, знакомыя Александру по личному наблюденію въ Новгородѣ, ясно говорили, что для приведенія Новгородскихъ дѣлъ въ лучшее положеніе нужно принять сильнѣйшія мѣры, и по сему онъ обратился съ просьбою къ отцу отпустить низовыя войска на помощь Новгородцамъ и, получивъ согласіе отъ Ярослава, немедленно собралъ войско и отправился въ Новгородъ съ братомъ своимъ Андреемъ [31]. Прибывши въ Новгородъ, онъ первымъ долгомъ почелъ явиться въ храмъ св. Софіи, и принесши предъ алтаремъ теплыя молитвы со слезами, тутъ же объявилъ походъ на Нѣмцовъ, завладѣвшихъ Псковомъ, и пока сбиралась Новгородская рать, занялъ всѣ Псковскія дороги; потомъ быстро двинулся къ Пскову, и прежде нежели Нѣмцы успѣли получить вѣсть

---

30 Ник. III стр. 27. Новгор. IV. стр. 37. Львов. II. стр. 23. Впрочемъ Никоновская и Львовская лѣтописи относятъ это приглашеніе ко времени по смерти Ярослава.

31 Соф. Врем. I. стр. 256. Лавр. лѣт. стр. 201. Новгор. 1 стр. 53. Новгор. IV стр. 37. Иск. 1 стр. 179.

о его походѣ, вошелъ въ городъ, захватилъ бывшихъ тамъ Нѣмцовъ и Чудь, а Нѣмецкихъ намѣстниковъ, изковавъ, отослалъ въ Новгородъ, Псковитянъ же объявилъ свободными. По свидѣтельству Ливонской хроники, при занятіи Пскова Александромъ, семдесять храбрыхъ рыцарей положили свои головы, защищая городъ[32].

Вѣсть о занятіи Пскова подняла всю Ливонію, стража Александрова спѣшила увѣдомить Князя о движеніи Нѣмцовъ и ихъ многочисленныхъ полчищахъ. Александръ, готовый встрѣтить врага и не желая ждать его за стѣнами города, помолившись въ Псковскомъ соборномъ храмѣ Св. Троицы, быстро двинулся въ Чудскую землю. Его передовые отряды, посланные въ зажитье, первые наткнулись на Нѣмецкіе и Чудскіе полки и потерпѣли пораженіе при защитѣ одного моста, причемъ иные попались въ плѣнъ, а другіе легли костьми и въ числѣ ихъ храбрый Домашъ Твердиславичь, братъ посадника. Этотъ первый успѣхъ сдѣлалъ Нѣмцовъ дерзновеннѣе, Магистръ съ Епископами и со всею силою своей земли смѣло пошелъ впередъ и сильно началъ тѣснить передовые полки Александровы; но Александръ не смутился отъ этого напора непріятелей, и какъ искусный военачальникъ, закаленный въ битвахъ, желая сосредоточить свои войска и разстроить движенія врага, отступилъ на Чудское озеро. Нѣмцы и Чудь бросились въ слѣдъ за нимъ, думая уже торжествовать побѣду; но Князь зорко смотрѣлъ за всѣми движеніями непріятелей и, улучивъ удобное время и мѣсто, вдругъ остановилъ свои полки и, расположивъ ихъ на Чудскомъ озерѣ около урочищъ Узменя и Воронья камня, рѣшился принять сраженіе. Время было утреннее, на восходѣ солнца, битва началась натискомъ Нѣмцовъ и Чуди, которые, построившись въ особый строй, извѣстный по лѣтописямъ подъ именемъ свиньи, врѣзались въ полки Александровы и прошли ихъ насквозь. Этотъ способъ битвы въ разрѣзъ самый выгодный и рѣшительный противъ войскъ малодушныхъ и нестойкихъ, рѣшительно не имѣлъ никакого успѣха противъ воиновъ Александра и только усилилъ кровопролитіе и жестокость битвы; ужасная сѣча продолжалась съ ранняго утра до поздняго вечера,[33] весенній ледъ Чудскаго озера покрылся кровію. По свидѣтельству очевидцовъ, озеро колыхахось подъ сражающимися и стонало отъ треска ломающихся копій

---

32 Арндм. Liefl. Chr. II. стр. 46.

33 Соф. Врем. I. стр. 275.

и звука сѣкущихся мечей. Гордые рыцари, закованные въ крѣпкія брони рѣшились во что бы то ни стало пройти сквозь густые полки Александровы — и точно прошли, но далеко не всѣ, мечи и топоры рускіе многихъ уложили на этомъ кровавомъ пути; остальные же, которымъ посчастливилось пройти, ни на что уже не могли отважиться; ибо, вмѣсто ожидаемаго разстройства въ Русскихъ полкахъ, они къ ужасу своему увидали передъ собою снова замкнувшіеся ряды воиновъ, стоявшихъ живою стѣною и сверкающихъ оружіемъ, дымящимся кровію ихъ собратіи. Нѣмцы и Чудь кончили свое дѣло, стоившее имъ ужасныхъ трудовъ и многихъ жертвъ, а Александръ только что началъ свое: онъ быстро рипулся съ запасными полками на оторопѣлыхъ бойцовъ, смялъ ихъ, сѣкъ и гналъ по льду; пятьсотъ рыцарей пали въ бою, пятдесятъ попались въ плѣнъ, Чудскими же трупами покрылось мѣсто битвы на протяженіи семи верстъ, вплоть до Суболичскаго берега. Такъ кончилась битва на Чудскомъ озерѣ, извѣстная въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Ледоваго боя. Этотъ бой привелъ въ ужасъ всѣ города Ливоніи и осѣнилъ Александра, виновника побѣды, новою славою. По словамъ нашихъ лѣтописей: «имя Великаго Князя Александра нача слыти по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжскаго и до моря Понтьскаго, и до моря Хупожскаго и до страны Тиверійскія, и до горъ Араратьскихъ, обону страну моря Варяжскаго и до Великаго Рима.» [34] Новгородцы долго вспоминали эту знаменитую побѣду съ чувствомъ народной гордости, и еще въ концѣ XVI вѣка всенародно молились въ храмахъ объ упокоеніи своихъ собратій падшихъ въ Ледовомъ бою, какъ свидѣтельствуютъ еще и теперь существующіе Синодики Новгородскіе [35].

По свидѣтельству Ливонскихъ хроникъ Магистръ Ордена, послѣ пораженія на Чудскомъ озерѣ опасаясь и за Ригу, отправилъ посольство къ Датскому Королю молить о помощи; [36] но завоеванія не были въ характерѣ Александра, при томъ же его ждали дѣла болѣе важныя; разгромивши Нѣмцовъ, ему нужно было привести въ страхъ Литовцевъ, которые сильно напирали на Новгородскія владѣнія. И потому онъ, принявши благодареніе отъ Пско-

---

[34] Соф. Врем. 1. стр. 258.

[35] Одинъ изъ нихъ на пергаменѣ хранится въ библіотекѣ М. П. Погодина.

[36] Арндт. Liefland chr. 11. 46.

витянъ и Новгородцовъ, немедленно отправился на Литву. Между тѣмъ Нѣмцы чтобы обезопасить уже собственныя владѣнія, спѣшили съ своимъ посольствомъ въ Новгородъ—и заключили съ Новгородцами миръ, по которому не только отступились отъ своихъ недавнихъ завоеваній Пскова, Води и Луги, но даже поступились Летголою, которая была завоевана ими гораздо запрежде, а также размѣнялись плѣнниками и отпустили Псковскихъ заложниковъ.

Въ то время, какъ Нѣмецкое посольство вело мирные переговоры съ Новгородцами, Александръ съ своею дружиною и Новгородскими полками громилъ Литовцовъ. Подробностей этой войны лѣтописи неописываютъ; но и дошедшія до насъ краткія извѣстія объ этомъ предметѣ достаточно свидѣтельствуютъ о подвигахъ Александра противъ новаго храбраго и упорнаго врага. Александръ и здѣсь держался прежнихъ правилъ мужественно защищать свое, быть грознымъ для враговъ, но не присвоивать чужаго и не распространять своихъ владѣній даже на счетъ непріятелей полудикихъ, жившихъ грабежомъ, и съ которыми даже безполезно и невозможно было вступать въ переговоры. По свидѣтельству лѣтописей, Александръ въ то же лѣто, какъ разбилъ Нѣмцовъ на льду, кажется совершилъ нѣсколько походовъ на Литовцовъ [37], и дѣлалъ это съ такою быстротою и такъ искусно, что однажды за одинъ походъ разбилъ семь Литовскихъ ратей, при чемъ избилъ множество ихъ воеводъ или князьковъ, а также многихъ взялъ въ плѣнъ; такъ что Литовцы съ этого времени стали уже бояться имени Александра. Успѣхи Александра противъ Литвы были тѣмъ славнѣе, что Литовцы въ это время были самымъ воинственнымъ народомъ, котораго боялись не только сосѣднія Русскія княженія но даже и Нѣмецкій Орденъ.

Послѣ этого похода Александръ Ярославичь жилъ спокойно въ Новгородѣ около двухъ лѣтъ, враги Руси Нѣмцы и Литва примирѣли, Новгородской край въ такое пришелъ уваженіе у сосѣдей, что даже прежній предводитель Нѣмцовъ, завоеватель Изборска и Пскова, храбрый Князь Ярославъ Владимировичь, вѣроятно вскорѣ послѣ ледоваго боя, спѣшилъ воротиться на Русь и по согласію съ Александромъ Ярославичемъ получилъ въ управленіе Торжокъ. Но въ 1245 году Литва, отдохнувшая послѣ своихъ пораженій, опять поднялась на владѣнія Новагорода и начала

---

[37] Софійск. Вр. 1. стр. 259. Ник. лѣт. Т. 3 стр. 27.

грабить окресности Бѣжецка и Торжка. Это движеніе Литвы подняло весь сосѣдній край; первые ударили на Литовцовъ Новоторжцы съ Княземъ Ярославомъ Владимировичемъ, впрочемъ ихъ попытка на первый разъ не удалась; Литовцы разбили ихъ и уже съ полономъ и добычею повернули на родину: но Тверичи и Дмитровцы подъ предводительствомъ Явида и Ербета соединились съ Новоторжцами и нагнали торжествующихъ враговъ подъ Торопцомъ. Здѣсь Рускіе были счастливѣе, Литовцы, послѣ неудачнаго для нихъ боя, къ вечеру заперлись въ Торопцѣ. Между тѣмъ грозный Александръ спѣшилъ съ дружиною и Новгородцами и на утро же явился подъ городомъ, и въ такое привелъ воодушевленіе всѣхъ Рускихъ воиновъ, что Торопецъ былъ взятъ въ тотъ же день; и совершенно пораженные Литовцы предались бѣгству, покрывъ поле битвы трупами своихъ собратій и оставивъ побѣдителямъ весь полонъ и добычу. Въ Торопецкой битвѣ Литовцы потеряли однихъ князей восемь человѣкъ. Новгородцы, довольные первымъ успѣхомъ, не хотѣли продолжать похода и отъ Торопца же поворотили домой; но Александръ зналъ съ какимъ врагомъ имѣетъ дѣло, и хорошо понималъ, что надъ пораженными полчищами можно торжествовать и не съ большею дружиною; а по сему, не смотря на значительное ослабленіе своихъ силъ отдѣленіемъ Новгородскихъ полковъ, быстро, съ одною своею дружиною, бросился за бѣгущими Литовцами и нагналъ ихъ подъ Зижьчемъ; Литовцы потерпѣли конечное пораженіе, такъ что, по выраженію лѣтописей, не ушелъ ни одинъ человѣкъ и князьки Литовскіе всѣ полегли костьми. [38] Александръ дошелъ до Витебска и взялъ оттуда своего сына. Но не даромъ же и не по запальчивости гнался онъ за Литовцами и спѣшилъ какъ можно скорѣе истребить или разсѣять ихъ полчища, даже не тратя времени на убѣжденіе близорукихъ и упорныхъ Новгородцовъ, нехотѣвшихъ продолжать похода: ему или были доставлены вѣрныя вѣсти, что за первыми Литовскими полчищами идутъ другія, или онъ такъ уже хорошо зналъ изъ прежнихъ опытовъ образъ дѣйствія въ Литовскихъ набѣгахъ, что и безъ особыхъ свѣдѣній ждалъ новыхъ полчищъ, которые по обычаю стремились на грабежъ и добычу по дорогѣ проложенной ихъ собратами. Какъ бы то ни было, настойчивость Александра и его стараніе быстро продолжать походъ не были напрасны и непредъ-

[38] Новг. I. стр. 54.

усмотрительны, онъ этимъ спасъ Новгородскія владѣнія отъ новаго нашествія Литовцовъ; ибо, по выходѣ изъ Витебска, онъ встрѣтился съ новою Литовскою ратью на Усвятѣ. Конечно эта рать соединившись съ первою, хотя разбитою подъ Торопцомъ, но еще сильною, могла бы имѣть большіе успѣхи и сдѣлаться грозною; но пораженная истребленіемъ первой рати, она оторопѣла и не выдержала напоска храброй дружины Александровой, среди побѣдъ уже недумавшей считать враговъ. Битва на Усвятѣ, дорого стоившая Литовцамъ, покрыла Александра новою славою, а у Литвы на семь лѣтъ отбила охоту дѣлать набѣги на Новгородскія владѣнія.

Новгородцы встрѣтили побѣдоноснаго Александра съ радостію; но онъ не долго оставался у нихъ. Въ тотъ же годъ Александровъ отецъ Ярославъ скончался 30 Сентября, на возвратномъ пути изъ Великой Татаріи; и Александръ, услыхавши объ этомъ, поспѣшилъ во Владимиръ, чтобы оплакать покойнаго. Впрочемъ, похоронивши отца и получивъ отъ его преемника дяди своего Святослава Переяславль, онъ опять возвратился въ Новгородъ. Но и на этотъ разъ не надолго, безпорядки, происшедшіе во Владимирѣ, скоро вызвали его на новое поприщѣ, самъ Батый прислалъ звать его въ орду, гдѣ принялъ съ честію и отправилъ въ великую Татарію къ великому Хану. Эта дальняя поѣздка продолжилась на два года, между тѣмъ во Владимирѣ произошли большія перемѣны: Святославъ, разбитый Михаиломъ Ярославичемъ Княземъ Московскимъ, потерялъ Владимиръ, а Михаилъ, его побѣдитель, погибъ въ войнѣ съ Литовцами, и Владимиръ по волѣ Ханской достался Александрову брату Андрею. Александръ возвратился отъ Хана съ большимъ пріобрѣтеніемъ, — Ханъ поручилъ ему Кіевъ и все придѣпровье, или, какъ тогда говорили, всю землю Рускую. [39] И посему онъ еще около двухъ лѣтъ промедлилъ во Владимирѣ и въ новыхъ своихъ владѣніяхъ; и только уже въ 1250, году къ великой радости народа, возвратился въ Новгородъ. [40]

На другой годъ по пріѣздѣ Александра въ Новгородъ, тогдашній Всероссійскій Митрополитъ Кириллъ съ Ростовскимъ Епископомъ Кирилломъ почтили Князя своимъ посѣщеніемъ. Князь и знаменитѣйшіе граждане, довольные симъ посѣщеніемъ, встрѣ-

---

[39] Ник. III. стр. 31. Густин. стр. 311. Лавр. 202.
[40] Новг. I. стр. 54.

тили Митрополита съ большими почестями, а Новгородское духовенство въ сопровожденіи множества народа вышло къ нему на встрѣчу со крестами. Это прибытіе верховнаго пастыря было истиннымъ праздникомъ для благочестиваго Князя и народа. Митрополитъ же съ своей стороны, желая отвѣчать на радушный пріемъ, согласно съ желаніемъ Новгородцовъ, поставилъ имъ въ Архіепископы Далмата, на мѣсто Спиридона, умершаго въ предшествовавшемъ году. [41] Но, кажется, еще Митрополитъ не успѣлъ выѣхать изъ Новгорода, какъ Господь посѣтилъ Александра тяжкою болѣзнію, такъ что начали отчаяваться въ его выздоровленіи. [42] Народъ и духовенство обратились съ теплыми молитвами къ подателю здравія, и Господь услышалъ моленіе рабовъ своихъ: Александръ выздоровелъ и съ новою дѣятельностію принялся помогать народу, который терпѣлъ сильный голодъ; ибо въ слѣдствіе слишкомъ обильныхъ дождей и ранняго мороза хлѣбъ пропалъ на корню. [43]

Между тѣмъ во Владимирѣ происходили страшные безпорядки. Святославъ Всеволодовичь, прежній тамошній Князь, отправился въ Орду и, кажется, успѣлъ склонить Хана, преемника Батыева, принять его подъ свое покровительство. [44] Ханъ отправилъ на Суздальскую землю Царевича Неврюя и Князей Котія и Алебугу храбраго съ многочисленнымъ войскомъ. Андрей Ярославичь думалъ было дать Татарамъ отпоръ; но этотъ замыселъ такъ еще былъ рановременъ и неоснователенъ, что при первой встрѣчѣ съ Татарами войска Андреевы были совершенно разбиты, и онъ самъ бѣжалъ было въ Новгородъ, но не принятый тамъ, ушелъ сперва во Псковъ, а потомъ въ Колываньь, откуда удалился въ Швецію со всѣмъ своимъ семействомъ. [45] Полчища Неврюевы, преслѣдуя Андрея, заняли Переяславль, и убивъ тамъ супругу К. Ярослава Ярославича и воеводу Жидислава, съ большимъ полономъ и добычею возвратились въ Орду. [46] Такъ кончился Неврюевъ по-

---

41 Новг. I. стр. 54.

42 Ник. III. стр. 33.

43 Новг. I. стр. 55 Лавр. стр. 202.

44 Лавр. стр. 202.

45 Соф. врем. I. стр. 267.

46 Лавр. стр. 202. По свидѣтельству Норвежскихъ лѣтописей, Александръ въ это время отправилъ посольство къ Норвежскому королю Гакону, съ предложеніемъ,

ходъ, предпринятый, кажется, по проискамъ Святослава Всеволодовича. На эту мысль наводятъ, съ одной стороны, поѣздка Святослава въ Орду въ 1250 году, а съ другой, слова Андресвы, при слухѣ о походѣ Неврюя, Андрей, смущенный вѣстію, воскликнулъ: »что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися, и наводити другъ на друга Татаръ.« [47] Безъ сомнѣнія Андрей называлъ наводчикомъ Татаръ никого другаго какъ Святослава, которому прежде принадлежалъ Владиміръ, и который, какъ дядя, по тогдашнимъ понятіямъ, имѣлъ старѣйшее право въ великомъ княженіи. Но не Святославъ воспользовался успѣхами Неврюева похода. Александръ Ярославичь былъ въ это время въ Ордѣ и, какъ старшій сынъ Ярославовъ, получилъ отъ Хана Сартака Владимирскій престолъ; Святославъ же въ концѣ года умеръ [48].

что бы онъ запретилъ своимъ подданнымъ, жившимъ въ сосѣдствѣ съ Новгородскими владѣніями, нападать на Новгородскую Лопь и Карелію. Есть даже свидѣтельство, что посламъ Александровымъ велѣно было узнать лично Гакопову дочь Христину, на которой Александръ хотѣлъ женить сына своего Василія. Ис. Г. Р. Т. IV. прим. 87.

[47] Ник. Лѣт. III. стр. 33.

[48] Лавр. стр. 202.

Татищевъ въ своей Исторіи явно обвиняетъ Александра въ Неврюевомъ нашествіи и низверженіи Андрея. У него, на 24 стр. IV книги сказано: 1252. «Иде Князь Александръ во Орду къ хану Сартаку, и пріятъ его ханъ съ честію, и жаловался Александръ на брата своего В. К. Андрея, яко сольстилъ хана, взя великое княженіе подъ нимъ яко старѣйшимъ, и грады отеческія ему поималъ, и выходы и тамги хану платить несполна. Ханъ же разгнѣвася на Андрея, и повелѣ Неврюю Султану идти на Андрея и привести его предъ себя.» Но подобныхъ обвиненій нѣтъ ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей. Три первые Новгородскія лѣтописи неупоминаютъ ни о Неврюевомъ походѣ, ни объ отправленіи Александра въ Орду. Въ четвертой Новгородской лѣтописи только сказано: «Въ лѣто 6760 приде Неврюй царевичь ратью Татарскую на Суздаль, и прогна Андрея Ярославича за море въ Свею.» Въ Псковской лѣтописи даже неупоминается объ этомъ событіи. Лаврентіевская лѣтопись говоритъ: Въ лѣто 6760. Иде Олександръ Князь Новгородьскый въ Татары; и отпустиша и съ честію великою, давше ему старѣйшинство во всей братьи его. Въ тоже лѣто сдума Андрей Князь Ярославичь съ своими бояры, бѣгати нежели царемъ служити, и побѣжа на невѣдому землю со княгинею своею и съ бояры своими, и погнаша Татаровѣ въ слѣдъ его, и постигоша и у города Переяславля.» Въ Троицкой лѣтописи сказано: «приде Неврюй, и прогна Князя Андрея за море.» Въ Густинской лѣтописи: «Александръ Ярославичь пойде во Орду къ Сартаку царю Татарскому и упроси себѣ княженіе надъ всею

Послѣ путешествія въ Орду Александръ прямо прибылъ во Владимиръ, гдѣ народъ принялъ его съ радостію. По свидѣтель-

---

Рускою и Московскою землею, и надъ всѣми князи и возвратися со великою честію;.... а князь Андрей Ярославичь братъ Александровъ, побѣже, и гнаша по немъ Татаре.» Въ Супральской лѣтописи: »приде Царь Неврюй наСуждальскую землю ратію и бѣжа князь Андрей Ярославичь за море въ Свею.» Въ Никоновской лѣтописи: «Иде князь Великій Александръ Ярославичь во орду ко Царю Сартаку Батыеву сыну, и пріятъ его царь съ честію. Того же лѣта прииде изо Орды Неврюй Царевичь, и князь Котіанъ, и князь Алыбуга храбрый ратью на великаго князя Андрея Ярославича Суздалского, и на всю землю Суздальскую. Князь Великій Андрей Ярославичь Суздальскій смутися въ себѣ, глаголя: Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися, и наводити другъ на друга Татаръ; лутче мнѣ сбѣжати въ чужую землю, неже дружитися и служити Татаромъ. И собравъ воинство свое иде противу ихъ, и срѣтшеся начаша битись, и бысть битва велія и одолѣша Татарове, и побѣже Князь Великій Андрей Ярославичь и съ княгинею своею и со бояры своими въ Новгородъ Великій, и оттуду иде во Псковъ.» Въ Софійскомъ Времянникѣ:» Пріиде Неврюй и Котія и Алабуга Храбры на землю Суздальскую со многими вои и силою Татарскою на Великаго Князя Андрея Ярославича. Бысть въ канунъ Боришу дени, безбожніи Татарове подъ Володимеромъ бродиша Клязму, и поидоша къ граду Переяславлю таящеся; наутріеже, на Боришь день встрѣте ихъ Князь Андрей съ своими полки и сразишася обои полцы, и бысть сѣча велика, гнѣвомъ же божіимъ за умноженіе грѣховъ нашихъ, погаными побѣжени быша. Великій же Князь едва убѣжа и пріѣха въ Великій Новгородъ.» Тоже самое повторяетъ и Воскресенская Лѣтопись. Такимъ образомъ изъ двѣнадцати лѣтописей, приведенныхъ нами, ни одна не обвиняетъ Александра въ наведеніи Татаръ, другія лѣтописи также ничего не говорятъ объ этомъ. Да и вообще не было въ характерѣ Александра обижать кого либо и тѣмъ паче наводить Татаръ на Русскую землю, что доказываетъ вся его жизнь. Да и самыя обстоятельства ничего неговорятъ въ пользу обвиненія. Александръ въ 1251 году былъ отчаянно болѣнъ въ Новгородѣ, слѣдовательно не могъ ѣхать въ Орду ближе 1252 года, какъ и свидѣтильствуютъ лѣтописи. Годъ тогда начинался Мартомъ мѣсяцемъ, Александръ слѣдовательно, по случаю весенней распутицы и разлива многихъ большихъ рѣкъ, лежащихъ на дорогѣ, не могъ выѣхать изъ Новгорода раньше конца Апрѣля или начала Маія, а отъ Новгорода до Орды, съ объѣздами, которые долженъ былъ дѣлать Александръ, чтобы непопасться въ руки Андрею, ежели онъ умышлялъ противъ него, было по крайней мѣрѣ двѣ тысячи верстъ, на проѣздъ которыхъ по тогдашнему бездорожью нужно было употребить около двухъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно Александръ не могъ пріѣхать въ Орду ближе конца Іюня или начала Іюля, а пріѣхавши, не вдругъ же явился къ Хану и не при первомъ же свиданіи успѣлъ вооружить его противъ Андрея, для этого ему нужно было прожить въ Ордѣ по крайней мѣрѣ двѣ или три недѣли. Такимъ образомъ Неврюй могъ получить

ству Лаврентіевской лѣтописи Митрополитъ Кириллъ все духовенство и граждане встрѣтили Александра у золотыхъ воротъ. Александръ принялъ управленіе отъ Тысяцкаго Романа Михайловича, который въ небытность Князя завѣдывалъ войскомъ и держалъ весь нарядъ. [49] Митрополитъ Кириллъ торжественно посадилъ Александра на Владимирскій престолъ, при-чемъ объявленъ былъ Ханскій ярлыкъ объ утвержденіи Александра на великомъ княженіи Владимирскомъ. Послѣ чего Александръ немедленно занялся построеніемъ и возобновленіемъ церквей, разграбленныхъ Татарами, собраніемъ и устройствомъ народа, разбѣжавшагося по лѣсамъ и пустынямъ во время нашествія Неврюева [50].

По свидѣтельству Софійскаго временника къ первому году Княженія Александрова во Владимирѣ относится посольство Римскаго Папы къ Александру о соединеніи вѣры, по сказанію временника въ посольствѣ были два ученѣйшихъ Кардинала Галдъ и Гемонтъ, которые убѣждали Александра принять Римское ученіе вѣры, какъ правильнѣйшее и полнѣйшее передъ Греческимъ. Но

приказъ Ханскій о походѣ на Владиміръ не ближе половины Іюля мѣсяца, по крайней мѣрѣ еще нужно было употребить двѣ недѣли для сбора войска; и такъ, ежели предположить, что Неврюй былъ посланъ по пропскамъ Александра, то онъ могъ выступить въ походъ не раньше конца Іюля или начала Августа А отъ Орды до Владиміра было по крайней мѣрѣ 1000 верстъ, на которыя для похода съ войскомъ, при всей быстротѣ, нужно было употребить не менѣе мѣсяца и даже болѣе; слѣдовательно Неврюй могъ придти ко Владиміру не ближе конца Августа. По свидѣтельству же лѣтописей, онъ 23 Іюля бродился черезъ Клязму около Владиміра по дорогѣ къ Переславлю, а 24 уже разбилъ Андрея. И такъ, по всѣмъ симъ соображеніямъ, Неврюй не могъ предпринять похода по пропскамъ Александровымъ, и даже, очевидно, Александръ пріѣхалъ въ Орду уже тогда, когда Неврюй былъ на походѣ во Владиміръ; и слѣдовательно не только не былъ подстрѣкателемъ Неврюева похода, но даже не могъ остановить его. При томъ же самъ Татищевъ говоритъ, что Неврюю велѣно было привести Андрея къ Хану; Андрей же, разбитый, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ Александръ оставилъ сына своего Василія; очевидно Андрей не побѣжалъ бы къ сыну своего врага, боясь, что его непремѣнно выдадутъ Татарамъ; да и въ Новгородѣ бы его дѣйствительно схватили и отослали къ Хану, ежели бы въ самомъ дѣлѣ Александръ былъ врагъ Андрею. Напротивъ того, по свидѣтельству лѣтописей и по словамъ самого Татищева, Новгородцы только не дозволили Андрею оставаться въ своемъ городѣ, опасаясь тѣмъ навлечь на себя гнѣвъ Хан[а], и дали ему свободный пропускъ во Псковъ.

[49] Лавр. стр. 202.

[50] Ник. III. стр. 34.

Александръ, посовѣтовавшись съ своими учителями вѣры, составилъ письменный отвѣтъ, въ которомъ доказалъ, что Русскіе получили отъ Грековъ полное и самое вѣрное ученіе о вѣрѣ, начиная отъ Адама до седмаго вселенскаго собора: и объявивъ, что не желаетъ принимать ученія отъ Римлянъ, отпустилъ посольство. [51] Отвѣтъ Александра и его совѣтниковъ обличаетъ высокую умѣренность и истинно Христіанское желаніе мира и безмятежности въ дѣлахъ вѣры. Русскіе въ этомъ отвѣтѣ не думали укорять или опровергать Римлянъ, и только старались доказать, что исповѣдуемое въ Россіи Греческое ученіе церкви полно и правильно.

Между тѣмъ Литовцы въ 1253 году напали на Новгородскія владѣнія и произвели значительное опустошеніе; впрочемъ Новгородъ былъ не безъ защитника; Александръ оставилъ тамъ своего сына Василія, который нагналъ Литовцовъ у Торопца и отомстилъ за набѣгъ жестокимъ пораженіемъ. Въ слѣдъ за Литовцами поднялись Нѣмцы, какъ бы ободренные отсутствіемъ Александра, и по обычаю напали прежде на Псковъ и сожгли посадъ; но тѣмъ и кончились ихъ успѣхи; духъ Александра еще жилъ въ Новгородцахъ и Псковичахъ. Нѣмцы не могли взять Пскова, и услыхавши, что Новгородцы идутъ выручать Псковитянъ, бѣжали. А Новгородцы, въ отмщеніе за набѣгъ, опустошили Нарову; по томъ Псковичи сами вступили въ Нѣмецкую землю и, выигравъ битву въ открытомъ полѣ, принудили Нѣмцовъ заключить миръ на всей волѣ Новгородской и Псковской [52].

Такимъ образомъ Александръ повидимому былъ обезпеченъ съ Новгородской стороны и могъ надѣяться, что доблестный сынъ его Василій, показавшій свое мужество въ дѣлахъ съ врагами, отстоитъ власть отца въ Новгородѣ. Но на дѣлѣ было не то; Александръ былъ слишкомъ силенъ и тяжелъ для того, что бы вольнолюбивые Новгородцы не тяготились его властію; имъ хотѣлось чтобы Князь зависѣлъ отъ нихъ, а не они отъ Князя; и по сему достаточно было какого-либо незначительнаго случая, чтобы измѣнить волю народа; и этотъ случай скоро представился. Въ томъ же 1253 году, въ которомъ Василій торжествовалъ надъ врагами Новгорода, Александровъ меньшой братъ Ярославъ Тверскій по че-

---

[51] Соф. Вр. I. 268.

[52] Новг. I. стр. 55.

му то оставилъ свою область и явился во владѣніяхъ Новгородскихъ, гдѣ сперва дали ему Ладогу, а потомъ пригласили во Псковъ[53]. Имѣя подъ руками Князя, котораго бы на случай можно было пригласить въ Новгородъ, Новгородцы вздумали вступить въ новые переговоры съ Александромъ, и для сего снарядили посольство для отправленія во Владимиръ; но прежде нежели двинулся изъ Новгорода ихъ главный посланникъ Архіепископъ Далматъ, партія недовольныхъ Александромъ подняла мятежъ, пригласила въ Новгородъ Ярослава, а Василія принудила удалиться.[54] Александръ, услыхавши объ этомъ, двинулся съ своими полками въ Новгородскую землю и немедленно явился въ Торжкѣ, въ которомъ еще держался его сынъ Василій, и потомъ двинулся къ Новгороду. Быстрота, съ которою дѣйствовалъ Александръ, разстроила всѣ планы Новгородцевъ, Ярославъ бѣжалъ; и въ станѣ Александровомъ явились уже Новгородскіе переметчики, которые, открывши ему расположеніе Новгородскихъ полковъ и планы разныхъ партій,молили его спѣшить походомъ, говоря, что его приверженцы немедленно сомнутъ полки противниковъ, какъ только онъ явится подъ стѣнами Новгорода. Александръ, щадя кровь Христіанскую и зная по соображенію обстоятельствъ, что дѣло можетъ обойтися и безъ кровопролитія, послалъ К. Борися Васильковича сказать на вѣчѣ, чтобы ему выдали предводителя противниковъ посадника Ананію, а ежели не выдадутъ, то онъ уже не Князь имъ и идетъ на городъ ратью. Новгородцы отвѣчали на это посольствомъ Архіепископа Далмата и Тысяцкаго Клима, которые молили Князя идти на свой столъ, не слушать злодѣевъ и отдать гнѣвъ Ананіи и всѣмъ мужамъ Новгородскимъ; Александръ не согласился на просьбы и стоялъ на своемъ. Новгородцы не обвиняя Князя, но въ то же время и не соглашаясь на его требованія, поклялись стоять за свою правду: три дня войска стояли другъ противъ друга, на конецъ на четвертый день Александръ прислалъ сказать, что онъ отдаетъ гнѣвъ Новгороду, ежели только Ананія откажется отъ посадничества, Ананія принялъ требованіе и, желая спокойствія народу, сложилъ съ себя санъ посадника; и такимъ образомъ кончилась война, въ которой по благоразумію и великодушію Александра не пролилось ни капли крови. Александръ далъ миръ и

---

[53] Ibid.
[54] Ibid.

вступилъ въ городъ, встрѣченный Архіепископомъ и духовенствомъ со крестами. Народъ, довольный мирнымъ окончаніемъ дѣла, принялъ Александра съ радостію, и безъ прекословія далъ посадничество Александрову приверженцу Михалку Степановичу. Александръ же, вѣрный своему слову, оставилъ Новгородъ въ покоѣ, и не думалъ розыскивать и преслѣдовать своихъ противниковъ. [55] Такимъ образомъ, по христіанскому благодушію и высокой мудрости Александра, война, грозившая разореніемъ Новгородской области, кончилась вожделеннымъ миромъ. Здѣсь Александръ достигъ двухъ цѣлей, съ одной стороны, далъ почувствовать Новгородцамъ, что они не могутъ возмущаться противъ него безнаказанно; а съ другой, своею умѣренностію и благодушіемъ, онъ еще болѣе привязалъ ихъ къ себѣ и своему семейству, такъ что во время самой войны Новгородъ единодушно признавалъ правдивость Александра; самые противники его говорили: »наши крестопреступники смутили Князя но имъ Богъ и Святая Софія, а Князь безъ грѣха.« [56]

Утвердивши свою власть въ Новгородѣ, Александръ оставилъ тамъ по прежнему своего сына Василія, а самъ возвратился во Владиміръ, откуда немедленно отправился на Городецъ и въ Нижній Новгородъ со всѣми Князьями для переговоровъ съ Татарами; почти постоянный ступникъ Александровъ, племянникъ его Князь Борисъ Васильковичъ поѣхалъ въ Орду къ Улавчію завѣдывавшему дѣлами Рускихъ княжествъ, Александръ отправилъ съ нимъ и свое посольство съ дарами; [57] переговоры съ Татарами, кажется, шли объ исчисленіи народа въ Руской землѣ для болѣе опредѣленнаго разчисленія Татарской дани, ибо вскорѣ явились на Руси и Татарскіе численники.

Между тѣмъ Шведы, Емь, Сумь и Ливонскій Магистръ съ ратью пришли въ Новгородскую землю и начали строить городъ на Наровѣ; Новгородцы встревоженные этимъ предпріятіемъ, немедленно послали за Александромъ, и изъ всѣхъ областей начали стягивать свои полки; непріятели, услыхавши о ихъ приготовленіяхъ немедленно удалились, не достроивъ своего города. Но этимъ дѣло не кончилось, Александръ на зиму явился съ многочи-

---

[55] Новг. I. стр. 55 и 56.

[56] Новг. I. стр. 55.

[57] Лавр. стр. 203.

сленными низовыми полками въ сопровожденіи Митрополита, и рѣшился, во что бы то ни стало, смирить строптивыхъ сосѣдей Новгорода. Примкнувъ къ своимъ полкамъ полки Новгородскіе, онъ двинулся въ походъ, необъявляя куда, желая по возможности напасть на непріятелей нечаянно; по Новгородскимъ областямъ были разпущены разные слухи относительно этого похода, и между прочимъ говорили, что Князь идетъ на Чудь. Митрополитъ проводилъ Князя и войско до Копорья, откуда Александръ, получивъ благословеніе, прямо двинулся на Емь или нынѣшнюю Финляндію. [58] Путь лежалъ по непроходимымъ мѣстамъ, по выраженію одного жизнеописанія Александрова по ущельямъ горъ и по болотамъ [59], гдѣ зимніе туманы были такъ сильны, что войско не знало ни дня, ни ночи, и должно было идти почти ощупью. Многіе изъ Новгородцовъ воротились съ дороги или даже отъ Копорья, но Александръ съумѣлъ удержать при себѣ остальныхъ и достигъ своей цѣли: неожиданно явился въ странѣ непріятельской, прошелъ по ней, какъ Божія гроза, изъ края въ край до моря, и воротился въ Новгородъ съ богатою добычею и множествомъ плѣнниковъ [60]. Шведы, властвовавшіе въ этой сторонѣ, пораженные неожиданностію и быстротою движеній Александра, ничего не могли сдѣлать въ защиту своихъ владѣній; и ихъ историки даже говорятъ, что Александру помогала въ этомъ часть туземцовъ, недовольныхъ Шведскимъ правленіемъ [61]. Это свидѣтельство въ нѣкоторой степени подтверждается и нашими лѣтописями, которыя разсказываютъ, что вмѣстѣ съ воинами Александра шли какіе-то шестники, которыхъ особенно много погибло въ страшномъ переходѣ по пустынцымъ ущельямъ горъ, гдѣ они, какъ болѣе знакомые съ мѣстностію, должны были указывать и прокладывать путь полкамъ Новгородскимъ [62]. Этотъ походъ Александра имѣлъ очень важныя послѣдствія для Новгорода; Шведы, узнавшіе горькимъ опытомъ, что, не смотря на отдаленность и трудность пути, полки Рускіе могутъ карать ихъ за обиды въ ихъ соб-

---

[58] Новг. I. стр. 56.

[59] Библ. Пог. N. 115.

[60] Новг. I. стр. 56.

[61] Ист. Г. Р. Т. IV. стр. 74.

[62] Новг. I. стр. 56.

ственныхъ владѣніяхъ, значительно присмирѣли, и долго даже по смерти Александра не осмѣливались баспокоить Новгорода. [63]

Возвратясь изъ Финляндскаго похода, Александръ немедленно отправился во Владимиръ, гдѣ его ждали самыя важныя и затруднительныя дѣла. Во Владимирѣ въ это время шли дѣятельные переговоры съ ханскими чиновниками о перечисленіи народа и разкладкѣ Татарской дани. Здѣсь Александръ долженъ былъ напрячь всѣ силы своего необыкновеннаго ума, чтобы сколько нибудь отстоять права Руси и не довести народъ до совершеннаго разоренія. Здѣсь онъ долженъ былъ работать, какъ для настоящаго облегченія подданныхъ, такъ и для будущей возможности возстановить самостоятельность и независимость Государства. Отъ его тогдашнихъ соображеній и умѣнья вести дѣла съ Татарами почти рѣшительно зависѣла будущая судьба Россіи. И Александръ, кажется, хорошо понялъ свое положеніе и умѣлъ имъ воспользоваться ко благу отечества; и почти безъошибочно можно сказать, что Россія его дѣятельности и уму обязана тѣмъ, что неподверглась одной участи съ Камскою Волгаріею и землею Половецкою. Въ Монголіи въ это время царствовалъ Ханъ Мунко. Государь сей, желая привести въ порядокъ огромныя завоеванія своихъ предшественниковъ, издалъ нѣсколько постановленій относительно почты и налоговъ [64]. Сіи новыя постановленія прямо клонились къ тому, чтобы привести въ бо̀льшую опредѣленность отношенія завоеванныхъ земель къ Монголамъ; ибо до сего времени Ханы, предшественники Мунко, думая только о разпространеніи своихъ владѣній, довольствовались неопредѣленною данью и видимою покорностію завоеванныхъ странъ. Они въ чаду громадныхъ успѣховъ еще не имѣли времени позаботиться о болѣе прочномъ прикрѣпленіи отдаленныхъ завоеваній къ своимъ непосредственнымъ и ближайшимъ владѣніямъ. Но этотъ чадъ, поспвшійся надъ Монголами въ продолженіи сорока лѣтъ, мало по малу началъ проходить; безпорядки и своеволіе Хановъ подручниковъ, управлявшихъ отдаленными завоеваніями, сильно заговорили верховному владыкѣ Монголіи, что пора уже подумать объ устройствѣ завоеваннаго. Но на самомъ дѣлѣ пора

---

[63] Шведы осмѣлились явиться въ Новгородскихъ владѣніяхъ не прежде 1293 года; т. е. черезъ 37 лѣтъ послѣ Александрова похода въ Финляндію (Новг. Лѣт. I. стр. 65.)

[64] Записки Іоакинфа о Монголіи часть III. стр. 182.

эта почти прошла; ибо интересы Великаго Хана и Хановъ подручниковъ, неограниченно властвовавшихъ въ отдаленныхъ улусахъ, уже на столько разошлись другъ съ другомъ, что наслѣдственный Государь какаго либо покореннаго народа, при дѣятельномъ умѣ и твердой волѣ, могъ многое выговорить въ пользу своего отечества, и поставить его въ меньшую зависимость отъ завоевателей. Такъ и сдѣлалъ Александръ Ярославичь. Но сдѣлать это стоило большаго труда и умѣнья; и успѣхъ въ семъ важномъ дѣлѣ едва ли не должно поставить выше всѣхъ подвиговъ Александра; ему, кажется, по преимуществу обязана была Россія своею будущею независимостію и славою. Лѣтописи рѣшительно ничего не говорятъ намъ о томъ, какія первоначально были требованія Монголовъ въ слѣдствіе постановленій Хана Мунко о налогахъ и почтѣ; но почти безошибочно можно сказать, что первые наказы, данные Ханскимъ правительствомъ Улавчію и другимъ чиновникамъ, были очень строги и отяготительны для Россіи; ибо естественно, что Мунко и его министры, опытные въ дѣлахъ администраціи, хотѣли полной зависимости Россіи и совершеннаго прикрѣпленія ея къ непосредственнымъ Монгольскимъ владѣніямъ; что нѣкоторымъ образомъ доказываетъ на дѣлѣ и продолжительность переговоровъ объ изчисленіи народа и разкладкѣ Монгольскихъ даней. Переговоры и по свидѣтельству нашихъ лѣтописей тянулись около двухъ лѣтъ, а по указанію Монгольскихъ историковъ они продолжались четыре года; ибо Бицыкъ-Беркэ получилъ приказъ отъ Хана изчислить Россію въ 1253 году [65], первые же численники пріѣхали въ 1257 году. Разные Русскіе Князья по Александрову разпоряженію съ большими подарками ѣздили не разъ, въ продолженіи этого времени, то къ Улавчію, завѣдывавшему непосредственно дѣлами Россіи, то въ Кипчакскую Орду, то въ Великую Монголію къ верховному Хану и его министрамъ; [66] а чиновники Ханскіе кажется постоянно во все это время жили во Владимирѣ и занимались соглашеніемъ выгодъ Монголіи и Россіи. Все это даетъ сильный намекъ, что обѣ стороны, т. е. Монголы и Князья Русскіе упорно защищали свои интересы, и что только шагъ за шагомъ дѣлались уступки то съ той, то съ другой стороны. Но какъ не трудна была эта борьба, Александръ и здѣсь вышелъ побѣдите-

---

[65] Записки Іоакинфа о Монголіи часть III. стр. 182.

[66] Лавр. стр. 203

лемъ, онъ спасъ народность Россіи, загородилъ ее собою отъ Монгольскаго непосредственнаго вліянія, и указалъ своимъ преемникамъ тотъ путь, по которому они должны были идти къ постепенному освобожденію отечества отъ ига Монголовъ.

Выѣзжая изъ Новгорода во Владимиръ для продолженія переговоровъ съ Ханскими чиновниками, Александръ взялъ съ собою для этой же цѣли двухъ Новгородскихъ пословъ Елевферія и Михаила Пинещинича; [67] ибо Татарскіе Ханы не хотѣли отдѣлять Новгородскихъ владѣній отъ прочихъ Рускихъ княжествъ и считали ихъ также обязанными платить имъ дань, хотя Монгольскіе полки еще никогда не были въ Новгородѣ. Немедленно по прибытіи во Владимиръ, Александръ, вмѣстѣ съ Князьями Борисомъ Васильковичемъ Ростовскимъ и Андреемъ Ярославичемъ Суздальскимъ, отправился въ орду для окончательныхъ переговоровъ съ Улавчіемъ и другими Ханскими сановниками. [68] Здѣсь умъ Александра и подарки, розданные кстати, привели дѣла къ возможно желанному концу; законъ Мунко о налогахъ и почтахъ разрѣшился въ формѣ болѣе или менѣе благопріятной для Россіи. Сановники Монгольскіе, убѣжденные и подкупленные Александромъ, успѣли представить Хану дѣла въ такомъ видѣ, что онъ согласился ограничить опредѣленіе отношеній Россіи къ Монголамъ почти единственно исчисленіемъ народа и разкладкою условной дани и нѣкоторыми повинностями подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ собственно сборомъ податей и исправнымъ отправленіемъ повинностей, съ тѣмъ чтобы всѣми прочими дѣлами по управленію завѣдывали утверждаемые Ханомъ природные Рускіе Князья, которымъ даже предоставлено было право вести войну и заключать миръ съ кѣмъ угодно, безъ всякихъ отношеній къ Хану, какъ Государямъ самостоятельнымъ и независимымъ. До насъ не дошли ни ярлыки (или утвердительныя грамоты) Хана, данныя Александру и другимъ Князьямъ его современникамъ, ни ярлыки, которые давались послѣдующимъ Князьямъ; впрочемъ мы имѣемъ нѣсколько ярлыковъ, данныхъ въ разное время Рускому духовенству, хотя и позднихъ, но тѣмъ не менѣе указывающихъ, что они писались на основаніи первыхъ ярлыковъ, ибо въ нихъ постоянно повторяютъ Ханы: *»не изъискиваемъ первыхъ ярлыковъ,*

---

[67] Новгор. I стр. 56.

[68] Лавр. стр. 203.

по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ.« Эти ярлыки духовенству въ нѣкоторой степени достаточно могутъ руководить насъ въ опредѣленіи тѣхъ отношеній Руси къ Монгольскимъ Ханамъ, въ которыя она была поставлена стараніями и умомъ Александра Ярославича. Такъ въ ярлыкѣ Узбека даннымъ Митрополиту Петру, Ханъ освобождаетъ церковныя имѣнія Руси отъ вліянія баскаковъ, таможниковъ, данщиковъ, поборщиковъ, писцовъ, и изъемлетъ ихъ отъ платежа тамги, поплужнаго, мыта, яма и мостовщины, и отъ отправленія повинностей войны и охоты, а также отъ взноса данеи, запросовъ, кормовъ, подводъ; или въ грамотѣ Алютяка Митрополиту Михаилу, въ которой Алютякъ также ссылается на уставы прежнихъ Хановъ, Руское духовенство не обязывалось платить ни помниковъ, ни поклоннаго, ни выходу, ни полѣтнаго, ни становаго, ни въѣзднаго, ни мимоходнаго по дорогѣ посламъ, баскакамъ или другимъ какимъ пошлинникамъ. Основываясь на этихъ указаніяхъ ярлыковъ, мы съ вѣроятностію можемъ заключать, что прочая Русь именно тѣмъ и обязывалась Монгольскимъ Ханамъ, отъ чего они освобождали Руское духовенство; ибо въ самыхъ же ярлыкахъ передъ исчисленіемъ или послѣ исчисленія помянутыхъ повинностей, податей и пошлинъ обыкновенно говорится, что Ханы освобождаютъ Руское духовенство отъ всего того, что обязываютъ исполнять въ отношеніи къ нимъ остальную Русь. И такъ, судя по сему, Россія, при опредѣленіи своихъ отношеній къ Монгольскимъ Ханамъ, во 1-хъ сохранила власть своихъ Князей, которые сдѣлались такимъ образомъ посредниками между Государствомъ и Ханами; во 2-хъ ей оставлены были ея родные законы и собственный судъ во всѣхъ дѣлахъ, что въ особенности способствовало къ сохраненію Руской жизни и Рускаго характера; въ 3-хъ ей предоставлена была неприкосновенность не только религіозныхъ вѣрованій но даже и церковнаго устройства, что преимущественно питало чувство народной самостоятельности и привязанности къ своему родному; и въ 4-хъ, наконецъ, Россія, по опредѣленію своихъ отношеній къ Ханамъ, удержала за собою, какъ государство самостоятельное, право войны и мира безъ посредства Хановъ и ихъ сановниковъ. Такимъ образомъ Александръ только однимъ умѣньемъ вести переговоры и благоразумною настойчивостію и выжиданіемъ времени достигъ того, что Россія, совершенно покоренная Монголами и рѣшительно неимѣвшая силъ имъ противиться,

получила отъ своихъ могущественныхъ повелителей, не поднимая оружія, права державы почти самостоятельной; т. е. достигла того, чего невсегда добиваются другіе народы, даже послѣ упорной борьбы, и притомъ, отъ повелителей нестолько могущественныхъ, какими были Монголы въ XIII столѣтіи. Очевидно, подати, поборы, и разныя повинности, наложенныя на Рускихъ Монголами, были очень тяжелы, и народъ много долженъ былъ терпѣть отъ разныхъ посланцовъ Хана, особенно въ началѣ; но эта тягость была временна, и, что всего важнѣе, за Россіею осталась ея народность, эта душа и жизнь государства. Четырехлѣтнія труды Александра въ переговорахъ съ Ханами и ихъ сановниками не остались безъ успѣха. Конечно современники можетъ быть не замѣчали этого; но мудрый ратоборецъ за Рускую землю зналъ, чего добивался, и по сему вполнѣ заслуживаетъ благоговѣніе и благодарность потомства, которое, зная уже послѣдствія Александровыхъ заботъ, можетъ съ большею правдивостію оцѣнить его труды.

Покончивши переговоры съ Монголами, Александръ вмѣстѣ съ другими Князьями воротился въ Россію; а въ слѣдъ за нимъ той же зимою прибыли и Ханскіе численники для изчисленія народа и разкладки податей, согласно съ тѣми условіями, которыя успѣлъ выхлопотать Александръ. Лѣтописи говорятъ что Ханскіе численники изочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскою, и поставивши десятниковъ, сотниковъ, тысящниковъ и темниковъ и урядивши все, возвратились въ Орду; но они не положили въ свой счетъ игуменовъ, черпецовъ, поповъ и крилошанъ, кто зритъ на Св. Богородицу и на Владыку.[69] Вотъ все, что мы находимъ въ лѣтописяхъ объ опредѣленіи отношеній Россіи къ Монголамъ; другихъ подробностей въ лѣтописныхъ сказаніяхъ мы не имѣемъ за исключеніемъ немногихъ частныхъ упоминаній о насиліяхъ баскаковъ и пословъ Ханскихъ. Но въ этомъ немногомъ можно уже видѣть основу и сущность всего прочаго. Во первыхъ, изъ свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что изчисленіе народа простиралось только на земли Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, т. е. только на Сѣверовосточную половину Россіи, слѣдовательно остальная ея половина была въ другихъ отношеніяхъ къ завоевателямъ; Александръ могъ отстоять только тѣ земли общаго отечества, которыя были въ ближайшихъ связяхъ съ его собственными владѣ-

[69] Лавр. стр. 203.

піями. Во 2-хъ изчисленіе народа, слѣдовательно и разкладка дани и повинностей, не простирались на духовенство и имѣнія церкви. Это указаніе служитъ важнымъ подкрѣпленіемъ для того, чтобы принять въ руководство позднѣйшіе Ханскіе ярлыки, данные нашимъ Митрополитамъ. Здѣсь мы видимъ, что ярлыки эти повторялись Ханами почти безъ измѣненій противъ того, что было опредѣлено Ханами въ слѣдствіе первыхъ условій съ Александромъ. Въ 3-хъ, чиновники, изчисленные лѣтописью какъ Монгольскіе повѣренные, или надсмотрщики въ Русскихъ областяхъ, т. е. десятники, сотники, тысячники и темники не были правителями народа; ибо между ими нѣтъ ни волостеля ни воеводы, ни судьи, ни даже тіуна; слѣдовательно уже это одно свидѣтельство показываетъ, какъ ловко Александръ умѣлъ отстоять неприкосновенность внутренней жизни народа, его коренной Рускій бытъ. То же подтверждаютъ, какъ мы уже видѣли, и ярлыки Хановъ писанные въ позднѣйшее время: въ нихъ, при всей подробности изчисленія, упоминаются только лица, или имѣвшія въ своемъ вѣдѣніи надзоръ за сборомъ податей и отправленіемъ повинностей, или присылаемыя изъ Орды временно, по какимъ либо дѣламъ, относящимся прямо къ Князьямъ, но отнюдь не вмѣшивавшіяся въ дѣла внутренняго управленія. Таковы: баскаки, таможники, данщики, поборщики, писцы, послы, гонцы, сокольники, ловцы, цардусники, побережники, бураложники, сотники, заставщики, лодейники.[70] Изъ всѣхъ этихъ лицъ, по самому уже названію, ни одно не участвовало во внутреннемъ управленіи, и только развѣ о баскакахъ еще можно сомнѣваться, не были ли они правителями въ Рускихъ владѣніяхъ; ибо прямое значеніе ихъ должности нигдѣ неопредѣлено дошедшими до насъ памятниками: но и объ нихъ, судя по нѣкоторымъ указаніямъ нашихъ лѣтописей, можно сказать, что власть ихъ не распространялась на внутреннее управленіе народомъ. Вотъ упоминанія лѣтописей о баскакахъ: въ 1269 году: В. К. Ярославъ Ярославичь послалъ изъ Новгорада во Владимиръ собирать рать на Нѣмцовъ, и собрася сила многа, и великій баскакъ Владимирскій, и Аргаманъ и зять его Айдаръ со многими Татары пріидоша.[71] Подъ годомъ 1273: В. К. Василій Ярославичь съ великимъ баскакомъ Володимирскимъ и Аргаманомъ и со Княземъ Айдаромъ

---

[70] Соб. Г. Г. и Д. Т. II. ярлыки ханскіе.

[71] Ник. III. стр. 49.

и со многими Татары Царевыми воеваша Новгородскія власти, и возвратишася со многимъ полономъ во Владимиръ [72]. Или, подъ тѣмъ же годомъ: Князь Дмитрей Александровичь съ Новгородцы прінде къ Торжку; в Торжку же бяше тогда воеводы В. К. Василья Ярославича, и смутишася Новгородцы глаголюще: отвсюду намъ горе, се Князь Великій Володимерскій, а се Князь Великій Тверскій, а се великій баскакъ Царевъ съ Татары, и вся Низовская земля на насъ. [73] Или, подъ годомъ 1284: Бѣше нѣкто тогда Князь Татарскій злохитръ, имя ему Ахматъ Темировъ сынъ, держаше баскачество Курскаго княженія, иные же Татарове баскачество держаша по инымъ градомъ, во всей Руской землѣ, и сіи велиціы бяху. Сеже баскакъ Ахматъ откупаше у Татаръ дани всякія въ Курскомъ княженіи, и тѣми даньми многу тягость творяше Князем и черными людемъ въ Курскомъ княженіи. Не сіе же точію едино, но еще къ тому сотвори себѣ двѣ великія слободы въ княженіи Олга Князя Рылскаго и Волгорскаго, и Святослава Липецкаго; и созва отовсюду людей много, и бысть ему отнего вся, еже что хотяще и заборонь отвсюду велика.« [74] Въ Троицкой лѣтописи упоминается подъ 1305 годомъ: тогоже лѣта преставися въ Ростовѣ баскакъ Кутлубугъ.« [75] Упоминанія сіи прямо говорятъ, что баскаки были размѣщены по главнымъ городамъ восточной Руси, и, кажется, именно по тѣмъ, въ которыхъ жили Рускіе Князья старшіе въ родѣ; и что при баскакахъ находились всегда отряды Татарскихъ войскъ, которые они иногда давали въ помощь Рускимъ Князьямъ. Но здѣсь нѣтъ и намеку о вмѣшательствѣ баскаковъ во внутреннее управленіе; а разсказъ о баскакѣ Ахматѣ даже сильно намекаетъ, что они вовсе не имѣли участія во внутреннихъ дѣлахъ; ибо корыстолюбивый Ахматъ, чтобы получить болѣе выгодъ, нашелся въ необходимости построить свои двѣ слободы, т. е. вполнѣ зависѣвшія отъ него, къ чему конечно онъ не имѣлъ бы нужды прибѣгать, ежели бы внутреннее управленіе въ городахъ принадлежало ему, ибо въ такомъ случаѣ онъ и съ городовъ могъ получать тѣ же выгоды какъ и съ слободъ. Этотъ же разсказъ объ Ахматѣ ясно говоритъ,

---

[72] Ibid. стр. 56.

[73] Ibid. стр. 57.

[74] Ibid. стр. 78.

[75] Троицк. стр. 282.

что сборъ Татарскихъ даней не былъ прямою обязанностію баскаковъ; ибо Ахматъ, по свидѣтельству разсказа, чтобы пользоваться выгодами отъ сбора, долженъ былъ откупать дани у непосредственныхъ сборщиковъ. Все это приводитъ къ тому заключенію: что баскаки были только начальниками Татарскихъ военныхъ отрядовъ, размѣщенныхъ по важнѣйшимъ Русскимъ городамъ, для надзора за Князьями и для подачи помощи сборщикамъ даней, въ случаѣ ежели бы Русскіе вздумали сопротивляться, а также вообще для поддержанія Ханской власти въ Русскихъ городахъ.

Окончивши исчисленіе народа въ земляхъ Суздальской, Рязанской и Муромской, и распредѣливши дани и назначивши сборщиковъ и надсмотрщиковъ, Ханскіе чиновники отправились обратно въ Орду съ донесеніемъ объ успѣшномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія; а въ слѣдъ за ними туда же поѣхалъ и Александръ съ другими Русскими Князьями, съ одной стороны, вѣроятно для засвидѣтельствованія передъ Ханомъ, что какъ они Князья, такъ и весь Русскій народъ будутъ исправно и усердно исполнять всѣ Ханскія требованія, и что Князья и народъ благодарны Хану за его милости; а съ другой стороны, для того, чтобы отблагодарить Улавчія и другихъ сановниковъ Ханскихъ за ихъ снисходительность и уступчивость въ дѣлѣ народнаго исчисленія и въ опредѣленіи отношеній Руси къ Монголамъ [76]. Ханъ принялъ Русскихъ Князей ласково; но при отпускѣ ихъ на родину объявилъ окончательно, чтобы и независимый доселѣ Новгородъ принялъ Монгольское исчисленіе, и поступилъ въ отношенія къ Монголамъ одинакія съ прочими Русскими городами.

Вѣсть о Ханскомъ рѣшеніи относительно Новгородцовъ быстро достигла Новгорода и произвела тамъ ужасное волненіе. Вольнолюбивый народъ, гордый недавними побѣдами надъ сосѣдними врагами, съ ужасомъ узналъ о горькой необходимости покориться дальнимъ и мало вѣдомымъ повелителямъ. [77] Волненія продолжались цѣлое лѣто: благоразумнѣйшіе граждане и начальники народные сознавали необходимость покориться; но горячія головы, непонимавшія дѣла какъ слѣдуетъ, шумѣли на вѣчахъ, называли благоразумныхъ измѣнниками и возбуждали народъ къ мятежу и непокорности; кричали, что должно положить головы за Св. Софію и

---

[76] Лавр. стр. 203.

[77] Соф. Вр. I. стр. 270.

честь Новгорода. Среди сихъ смятеній скончался любимый народомъ старый посадникъ Анаія, могшій еще сколько нибудь сдерживать возстаніе. Совмѣстникъ и преемникъ его, посадникъ Михалко, ненавистный Новгороду и насильно поставленный Александромъ, рѣшительно уже ничего не могъ сдѣлать въ пользу усмиренія; недовольные, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, убили его [78]. Между тѣмъ Александръ съ послами Ханскими спѣшилъ въ Новгородъ, чтобы законнымъ образомъ объявить непокорному народу волю грознаго повелителя всей Руси. Оставленный Александромъ въ Новгородѣ сынъ его Василій, Князь пылкій и неопытный въ дѣлахъ, принялъ сторону недовольныхъ и, не думая помогать отцу въ дѣлѣ порядка, убѣжалъ во Псковъ. Послы Ханскіе, прибывшіе вмѣстѣ съ Александромъ, немедленно объявили волю Хана и начали требовать десятины, тамги и другихъ Монгольскихъ даней. Народъ, видя, что Монгольскіе чиновники прибыли безъ войска, принялъ ихъ ласково, назначилъ дары Хану, но рѣшительно отказался отъ платежа постоянныхъ даней; Татары, видя невозможность въ настоящее время исполнить Ханское порученіе, перестали настаивать въ своихъ требованіяхъ и были отпущены съ миромъ и честію [79].

Александръ, распростившись съ Ханскими послами, немедленно занялся усмиреніемъ народа и приведеніемъ Новгородскихъ дѣлъ въ порядокъ; а для сего поспѣшилъ приказаніемъ схватить непокорнаго сына во Псковѣ и отправить въ Низовую землю, потомъ примѣрно наказалъ его мятежныхъ совѣтниковъ, и особенно главнаго предводителя возмущенія какого то Александра. [80] Усмиривши народъ, онъ велѣлъ выбрать начальниковъ, и вѣче, послушное Князю, немедленно назначило новымъ посадникомъ Михайла Ѳедоровича, благоразумно управлявшаго Ладогою, а тысячскимъ Жироху, [81] или, какъ говоритъ Никоновская лѣтопись, Жидяту Доможирова. [82] Послѣ чего Александръ Ярославичь, кажется, удалился во Владимиръ; и Новгородцы уже думали, что они раздѣлались съ Монголами и отклонили отъ себя народное изчисленіе и платежъ

---

78 Новг. I. стр. 56.
79 Ibid.
80 Соф. Вр. Т. I. стр. 270.
81 Новг. I. стр. 56.
82 Ник. III. стр. 39.

постоянной дани Монголамъ; ибо сіи послѣдніе, занявшись войною съ Литовцами, слишкомъ годъ не напоминали Новгородцамъ ни о числѣ, ни о дани [83].

Наконецъ Литовская война, зимою 1260 года, кончилась въ пользу Монголовъ, и въ слѣдующемъ году прежній Новгородскій посланникъ Михайло Пинещинич, отправленный два года тому назадъ съ Великимъ Княземъ въ Орду, прибылъ на родину съ вѣстію, что полки Ханскіе уже готовы и стоятъ въ Низовой землѣ, ожидая приказанія двинуться на Новгородъ, ежели народъ откажется принять число и платежъ дани. Эта вѣсть какъ громомъ поразила Новгородцовъ, и они, приготовленные къ бѣдѣ какимъ то чуднымъ знаменіемъ, въ лунѣ видѣннымъ передъ пріѣздомъ Михаила, какъ бы въ безпамятствѣ, молча и безъ споровъ дали согласіе исполнить волю грознаго Хана. [84] Получивши извѣстіе о таковомъ рѣшеніи вѣча, Александръ Ярославичь той же зимою явился въ Новгородъ съ сановниками Ханскими Беркаемъ и Касачикомъ, пріѣхавшими съ своими семействами и многочисленною свитою. Монгольскіе чиновники, неожидавшіе сопротивленія, не приступая еще къ исполненію Ханской воли, неосторожно начали притѣснять народъ излишними поборами и несправедливостями; но скоро замѣтили, что имѣютъ дѣло не съ покорными и мирными данниками, и опасаясь за свою жизнь, потребовали отъ Александра стражи для охраненія своей личной безопасности. Князь приказалъ посадничьему сыну съ отрядомъ сыновей боярскихъ охранять Ханскихъ чиновниковъ и по ночамъ держать караулъ около ихъ дома. [85] Народъ, видя что противъ него вооружили Новгородцовъ же, и что не грозные полки Татарскіе, а сыновья Новгородскихъ же бояръ защищаютъ народныхъ притѣснителей, грозно завопилъ: »умремъ честно за Святую Софію и за домы Ангельскіе; Пинещинич обманулъ насъ, измѣнники бояре и богачи сговорились погубить бѣдныхъ людей.« [86] Торговая сторона и вообще чернь подняла оружіе и начали готовиться къ нападенію на Софійскую сторону; Софійцы же и вообще богатѣйшіе граждане приготовили лодки для нападенія на противниковъ; но дѣло не дошло до битвы, всеобщее смятеніе и от-

---

[83] Новг. I. стр. 56.

[84] Ibid.

[85] Новг. I. стр 57.

[86] Ibid.

чаяніе не давали развернуться партіямъ, и всѣ рѣшили сложить свои головы у Святой Софіи, такъ кончился первый день возстанія. И вмѣсто междоусобнаго боя уже грозила опустошительная и жестокая борьба съ Монголами, въ которой конечно должны бы были вооружиться противъ Новгорода и Русскіе Князья, какъ данники Ханскіе: по благоразумію Александра отклонило эту ужасную бѣду. На утро другаго дня Александръ, потратя времяни въ пустыхъ спорахъ съ мятущеюся толпою, выѣхалъ съ Ханскими чиновниками и со всею дружиною изъ городища, оставляя Новгородъ его судьбѣ и гнѣву Ханскому. Новгородцы, пораженные таковымъ неожиданнымъ поступкомъ Князя, потерявши всякую надежду на успѣхъ сопротивленія, смирились, и убѣждаемые своими боярами, согласились съ горестію принять число и исполнить требованія Хана. Чиновники Ханскіе, получивъ вторично согласіе народа, немедленно занялись исчисленіемъ и начали ѣздить изъ улицы въ улицу, описывая домы граждань. Съ горестію и злобою смотрѣли Новгородцы на исполнителей Ханской воли, но злоба ихъ осталась безмолвною; дѣло было уже сдѣлано, пылкое своеволіе покорилось необходимости и уму Александра, Новгородъ призналъ власть Хана, и чиновники, покончивши исчисленіе, спокойно удалились въ Орду. [87] Впрочемъ Александръ, какъ истинный защитникъ и ходатай насчастнаго отечества, не забывалъ настоящихъ выгодъ Новгорода, и хотя сильно тѣснилъ и поражалъ безумную непокорность вольнолюбиваго народа, но въ то же время такъ искусно дѣйствовалъ на Ханскихъ чиновниковъ, что они предоставили Новгородцамъ большія преимущества, которыми не пользовался отъ нихъ ни одинъ Русскій городъ. Въ Новгородѣ, кажется, не было оставлено ни баскака, ни другаго какого либо Монгольскаго чиновника, Новгородцамъ дано было право представлять дань чрезъ Великаго Князя, или самимъ пересылать ее прямо въ Орду. [88] Такимъ образомъ Новгородцы остались при всѣхъ прежнихъ правахъ народа свободнаго, и только одна дань, напоминала имъ о подчиненности Хану. По удаленіи Монгольскихъ чиновниковъ, Александръ оставался въ Новгородѣ для

---

[87] Новг. I. стр. 56.

[88] Ист. Г. Р. IV. стр. 79. покрайней мѣрѣ въ лѣтописяхъ нигдѣ не упоминается о Ханскихъ Баскакахъ въ Новгородѣ; а напротивъ есть свидѣтельства, что Новгородцы и сами отправляли дань къ Ханамъ и пересылали ее чрезъ Великихъ Князей.

успокоенія унывшаго народа и для водворенія порядка, нарушеннаго недавнимъ возмущеніемъ. [89] По свидѣтельству Лаврентіевской лѣтописи, сами Новгородцы просили его пробыть у нихъ нѣсколько времени; исполнивъ ихъ желаніе, онъ прожилъ въ Новгородѣ до начала слѣдующаго года и, поставивъ тамъ Княземъ втораго своего сына Димитрія, честно и мирно разпрощался съ гражданами. Народъ скоро увидалъ тѣ выгоды, которыя Александръ успѣлъ выхлопотать у Монголовъ, и выразилъ свою признательность Князю многими почестями и дарами [90].

Александръ отправился изъ Новгорода на шестой недѣли великаго поста, и въ среду страстной пріѣхалъ въ Ростовъ, чтобы принесть благодареніе, передъ тамошнею иконою Божіей Матери, за успѣшное окончаніе Новгородскихъ дѣлъ, и чтобы поклониться гробу Чудотворца Леонтія и принять благословеніе отъ уважаемаго имъ Епископа Кирилла. Ростовскіе Князья Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, постоянные союзники Александра, и ихъ мать, почтенная супруга Василькова, Марія, приняли его съ радостію и любовію. При свиданіи съ Епископомъ, Александръ, какъ истинный христіанинъ, съ смиреніемъ приписывая всѣ свои успѣхи благословенію Божію и ходатайству молитвенниковъ, говорилъ благочестивому старцу и пастырю: «отче и господине! благодарю тебя; твоею молитвою я въ добромъ здоровьи и благополучно съѣздилъ въ Новгородъ и твоею же молитвою благополучно возвращаюсь изъ Новгорода.» Пробывши нѣсколько времени въ Ростовѣ въ кругу любимаго и уважаемаго имъ семейства княжескаго, и насладившись родственными и дружественными бесѣдами съ почтенною княгинею и ея сыновьями, Александръ отправился во Владимиръ. На прощаньѣ онъ принялъ благословеніе отъ Епископа и отъ добродѣтельной Маріи, какъ старшей въ родѣ и пользовавшейся всеобщимъ уваженіемъ, разстался со всѣми дружественно и съ искреннею любовію и, по обычаю тогдашняго времени, выразилъ свое душевное расположеніе богатыми дарами какъ семейству княжескому, такъ и Епископу [91].

Возвратившись во Владимиръ, Александръ оставался тамъ слишкомъ три года; въ продолженіи этого времени Богъ обрадовалъ его

---

[89] Ник. III. стр. 40.
[90] Новг. I. стр. 57.
[91] Лавр. 203.

рожденіемъ сына Даніила (въ 1261 году), будущаго родоначальника знаменитаго дома Князей Московскихъ, которымъ благой Промыслъ судилъ возвеличить Россію [92]. Почти всѣ лѣтописцы единогласно говорятъ, что эти три года прошли мирно; но въ тогдашнее плачевное время мирно еще не значило благополучно и спокойно. При всѣхъ стараніяхъ и заботахъ Александра облегчить участь своихъ подданныхъ, Монгольское иго тяжелымъ гнетомъ лежало на землѣ Руской. Монголы, многое уступивши Россіи какъ Государству, не думали щадить частныя лица; по всему вѣроятію, Александръ, чтобы отстоять самостоятельность Государства, долженъ былъ согласиться на тяжелую дань, тягость которой безъ сомнѣнія увеличивалась корыстолюбіемъ Монгольскихъ сборщиковъ и надсмотрщиковъ, оставленныхъ по Рускимъ городамъ и селеніямъ, которые по обычаю не знали жалости къ бѣдному народу, совершенно для нихъ чуждому, и спѣшили какъ можно скорѣе обогатиться и угодить своимъ непосредственнымъ начальникамъ, которые въ свою очередь также преимущественно заботились о собственномъ обогащеніи. Конечно, Александръ, по врожденной добротѣ своего сердца не былъ хладнокровнымъ свидѣтелемъ народнаго угнѣтенія; но обстоятельства и благоразуміе не дозволяли ему рѣшаться ни на какія сильныя мѣры. По условіямъ опредѣленія отношеній Россіи къ Монголамъ онъ былъ порукою въ исправномъ платежѣ дани и покорности народа; а посему всякая сильная мѣра съ его стороны въ защиту соотечественниковъ могла быть принята Ханомъ за возмущеніе и лишить его Ханской довѣренности и расположенія Монгольскихъ сановниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожить всякую возможность на ходатайство въ случаѣ Ханскаго гнѣва, который естественно былъ неминуемъ и ужасенъ противъ непокорныхъ. Все это ставило Александра въ необходимость терпѣливо сносить временныя угнетенія въ несомнѣнной надеждѣ на лучшую будущность. Но бѣдный угнетенный народъ не имѣлъ этой утѣшительной надежды, онъ, не могъ видѣть будущности, и мѣра его терпѣнія переполнилась, особенно когда Монгольскихъ сборщиковъ дани смѣнили откупщики Хазарскіе или Хивинскіе, названные въ нашихъ лѣтописяхъ Бесермянами, по ихъ Музульманской религіи.

---

[92] Лавр. стр. 203.

Откупщики Хазарскіе, напередъ выплативши Рускую дань Монголамъ, разумѣется, съ значительными наддачами, (какъ это обыкновенно водится во всѣхъ откупахъ), повели дѣла своимъ порядкомъ, желая не только возвратить впередъ заданный капиталъ, но и съ большими выгодами вознаградить себя за всѣ расходы и хлопоты. Опытные въ дѣлахъ торговыхъ, но плохіе знатоки отношеній между побѣдителями и побѣжденными, они разложили платежъ даней на разные сроки съ огромными ростами, захватывая въ обезпеченіе имущества плательщиковъ и отводя безчеловѣчно въ неволю тѣхъ, съ которыхъ уже нечего было взять; и къ тому же, кажется, какъ ревностные музульмане, присоединили ругательства надъ Рускою религіею и церквами.[93] Все это до того озлобило Рускихъ, что въ 1262 году вдругъ по всѣмъ городамъ Суздальской и Ростовской земли раздались звуки вѣчевыхъ колоколовъ; всюду, какъ бы по предварительному согласію, народъ, мимо своихъ Князей, рѣшился земскою управою покончить счеты съ ненавистными притѣснителями. Современный лѣтописецъ съ какимъ то воодушевленіемъ разсказываетъ объ этомъ народномъ возстаніи; современники думали въ немъ видѣть конецъ бѣдствій и особенное внушеніе Божіе. Лѣтописецъ прямо говоритъ: »избави Богъ отъ лютаго томленья Бесерменскаго люди Ростовскія земли; вложи ярость въ сердца крестьяномъ, нетерпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь, и выгнаша изъ городовъ изъ Ростова изъ Володимеря, изъ Суждаля изъ Ярославля»[94]. И точно, на этомъ событіи, кажется, лежало особое благословеніе Божіе; ибо народъ, не смотря на справедливую ненависть къ притѣснителямъ, разчитался съ ними съ безпримѣрною въ такихъ случаяхъ умѣренностію; по свидѣтельству лѣтописей убійства были немногочисленны, и то, вѣроятно, только противъ упорнѣйшихъ и ненавистнѣйшихъ по своему безчеловѣчію, и при томъ ихъ можно было отвратить принятіемъ Христіанской вѣры, чему и засвидѣтельствованы примѣры въ лѣтописяхъ[95], все же дѣло по преимуществу ограничилось однимъ изгнаніемъ откупщиковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Князья много способствовали къ таковой умѣренности, ибо Рускому всегда священна власть Государя, и по одному его слову онъ удержи-

---

[93] Лав. стр. 204. Ник. III. стр. 41.

[94] Лавр. стр. 204.

[95] Ник. III. стр. 41.

васъ порывы мщенія. Но при всемъ успѣхѣ это дѣло не могло не имѣть очень опасныхъ послѣдствій; возстаніе хотя и не на самихъ Монголовъ, но тѣмъ не менѣе противъ людей, назначенныхъ ими, должно было возбудить гнѣвъ грознаго Хана; слѣдствія этого гнѣва безъ сомнѣнія были бы ужасны, они грозили новымъ нашествіемъ Монголовъ-мстителей и, слѣдовательно, новымъ опустошеніемъ Россіи и даже конечнымъ ея порабощеніемъ. По свидѣтельству Софійскаго Временника, полки Ханскіе уже шли плѣнить землю Рускую; [96] такимъ образомъ, всѣ заботы Александра и всѣ отдаленныя надежды его на будущность отечества мгновенно падали и разрушались. Но Александръ и здѣсь опять явился обычнымъ ходатаемъ и спасителемъ Руской земли, съ упованіемъ на помощь Божію и на правость своего дѣла, какъ Князя и вѣрнаго данника Ханскаго, онъ отправился въ Орду.

Это путешествіе было однимъ изъ величайшихъ подвиговъ самоотверженія со стороны Александра: хотя онъ не участвовалъ въ народномъ возстаніи, и въ душѣ и на дѣлѣ былъ правъ передъ Ханомъ; но тѣмъ не менѣе онъ шелъ въ Орду почти на вѣрную смерть; ему предстояли неодолимыя трудности; войска Ханскіе получили приказаніе идти на Россію, слѣдовательно Ханъ не намѣренъ былъ слушать оправданій, и уже рѣшилъ излить свою месть на строптивыхъ данниковъ; съ какими же глазами могъ явиться передъ нимъ Александръ и чего ждать отъ него. Не прошло еще пяти лѣтъ, какъ Александръ увѣрялъ Хана, что Рускіе будутъ самыми покорными данниками, лишь бы онъ не предавалъ народъ совершенному порабощенію, Ханъ согласился на его увѣренія и далъ Россіи права Государства почти самостоятельнаго; а Россіяне уже произвели всеобщее возстаніе и изгнали Ханскихъ сборщиковъ дани. Очевидно такимъ образомъ, что Александръ, какъ неисполнившій обѣщанія, былъ кругомъ виноватъ въ глазахъ Хана, и отправляясь въ Орду, прежде всего долженъ былъ видѣть передъ собою участь Михаила Черниговскаго и другихъ Князей, сложившихъ тамъ свои головы; онъ долженъ былъ принять на себя весь пылъ Ханскаго гнѣва. Лѣтописи не говорятъ о подробностяхъ Александрова путешествія; но дѣло говоритъ само за себя; объ этомъ подвигѣ Александра нельзя вспоминать безъ благоговѣнія къ высокому характеру подвигоположника. Явно, что Алек-

---

[96] Соф. Вр. I. стр. 272.

сандръ, рѣшаясь отправиться въ Орду, совершенно забывалъ о себѣ и думалъ только о любезной ему Россіи и освященномъ долгѣ Государя защитника подданыхъ, онъ шелъ какъ добровольно обреченная искупительная жертва за Рускую землю.

Приготовившись уже къ путешествію, Александръ сдѣлалъ послѣднее распоряженіе относительно Новгородцовъ, у которыхъ тогда была война съ Дерптскими Нѣмцами. Онъ послалъ туда, (только что пріѣхавшаго на прощанье) сына своего Димитрія, брата Ярослава (Князя Тарскаго), и племянника Константина (изъ Смоленскихъ); отправляя Димитрія, онъ отдалъ ему всѣ свои полки и всѣхъ слугъ, при чемъ сказалъ симъ послѣднимъ: »служите сыновi моему, акы самому мнѣ, всѣмъ животомъ своимъ.« [97] Сіи послѣднія распоряженія ясно свидѣтельствуютъ, что Александръ уже не надѣялся возвратиться въ Россію.

Рѣшимость Александра ѣхать въ Орду составляла великій подвигъ; но онъ еще болѣе увеличилъ его своимъ умѣньемъ вести дѣло передъ Ханомъ. Ибо не только остановилъ полки Монгольскіе, уже шедшіе на Россію, и отстоялъ всѣ прежнія отношенія Руси къ Монголамъ; но по свидѣтельству лѣтописей, даже успѣлъ отклонить Хана отъ требованія Рускихъ войскъ для какаго-то Монгольскаго похода, [98] что, какъ мы видѣли изъ ярлыковъ, принадлежало къ первоначальнымъ условіямъ Руси съ Монголами. Такимъ образомъ Ханъ, по ходатайству Александра, вмѣсто наказанія, назначеннаго Рускимъ за изгнаніе откупщиковъ, подарилъ Россію новою и очень значительною льготою — временнымъ освобожденіемъ отъ повинности воевать за Монголовъ. Лѣтописи говорятъ, что Александръ пробылъ въ Ордѣ цѣлый годъ. Это обстоятельство прямо указываетъ какъ трудно было умилостивить раздраженнаго Хана. Мы не знаемъ подробностей Александрова пребыванія въ Ордѣ; но какъ бы то нибыло, Господь благословилъ труды его, и онъ уже возвращался въ Россію успокоить подданныхъ и обрадовать ихъ новою милостію Ханскою. Близокъ былъ конецъ Александрова путешествія, онъ уже миновалъ Монгольскія пустыни и достигъ Нижняго Новгорода; но жестокій недугъ крушилъ страдальца за Русскую землю, истощенное трудами тѣло отказывалось служить неутомимому духу; Александръ, выѣхавши

---

[97] Истр. Г. Р. Т. IV. прим. 107.

[98] Повѣст. о Росс. Арцыб. Т. II. стр. 34. прим. 255.

изъ Орды уже больной, до того ослабѣлъ въ дорогѣ, что долженъ былъ остановиться на нѣсколько времени въ Нижнемъ. Отдохнувши немного здѣсь, онъ поспѣшалъ во Владимиръ, но едва могъ доѣхать до Городца, болѣзнь такъ усилилась, что продолжать путь не было уже возможности. Въ Городцѣ, Александръ, чувствуя приближающійся конецъ жизни, поспѣшилъ, по обычаю того времени, облещися въ схиму, и скончался въ ночь 14 Ноября 1263 года, на сорокъ пятомъ году отъ рожденія [99]. Александръ въ продолженіе своей немноголѣтней жизни дѣятельно участвовалъ болѣе нежели въ двадцати битвахъ, гдѣ сотни храбрыхъ падали вокругъ его, четыре раза ѣздилъ въ Орду къ грознымъ Ханамъ, гдѣ многіе изъ Князей—его современниковъ сложили свои головы подъ ножами убійцъ, но онъ, хранимый Богомъ, отвсюду выходилъ цѣлъ и невредимъ, мечи враговъ и ножи убійцъ щадили его, только самъ онъ не щадилъ себя: трудясь для блага Россіи, стараясь защитить и успокоить отечество, онъ не давалъ себѣ покою и, отягченный непомѣрными трудами, умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. Современники, не имѣя къ тому обычая, не поставили ему памятника, но его доблести соорудили себѣ несокрушимый памятникъ въ сердцахъ ихъ, церковь Руская причислила его къ лику святыхъ молитвенниковъ за Русскую землю, и Богъ прославилъ гробъ его многими чудесами.

Вѣсть о кончинѣ Александра достигла Владимира, кажется, въ то самое время, когда народъ въ соборной церкви приносилъ теплыя молитвы о его благополучномъ возвращеніи на родину. Митрополитъ Кириллъ, бывшій тогда въ служеніи, первый узналъ о несчастіи, и обратясь къ народу воскликнулъ со слезами на глазахъ: «чада моя милая разумѣйте яко зайде солнце Русской земли;« [100] слезы и рыданія народа прервали рѣчь Пастыря, всѣ по какому то предчувствію поняли горькій смыслъ первыхъ словъ его и въ одинъ голосъ завопили: »мы погибаемъ.» Между тѣмъ спутники Александровы уже приближались ко Владимиру, неся бездыханное тѣло любимаго Князя. Митрополитъ и духовенство съ свѣчами и кадилами, Князья, бояре и народъ въ слезахъ и унынiи двинулись къ Боголюбову встрѣчать усопшаго. Здѣсь всѣ стѣснились въ густую толпу около гроба, каждый думая только о томъ, чтобы въ

---

99 Соф. Вр. I. стр 273.

100 Соф. врем. Т. I. стр. 273.

послѣдній разъ прикоснуться къ тѣлу покойнаго; по словамъ очевидцевъ, Рускіе еще никогда не выражали своей горести въ такой степени, земля стонала отъ воплей и рыданій народныхъ [101]. Наконецъ тѣло страдальца за Рускую землю было привезено во Владимиръ и 23 Ноября, по правиламъ Христіанской церкви, погребено въ храмѣ Рождества Божіей Матери. Современники разсказываютъ, что, когда при окончаніи отпѣванія Митрополичій экономъ Севастіанъ подошелъ ко гробу, желая рознять руку усопшаго для вложенія разрѣшительной грамоты, то рука сама простерлась и приняла грамоту изъ рукъ Митрополита, такъ что испуганные Митрополитъ, экономъ и другіе, стоявшіе близко, съ ужасомъ отступили отъ гроба. Вѣсть о такомъ чудномъ явленіи быстро разпространилась въ народѣ; разсуждали, что это сдѣлалось по особенному Божію соизволенію, ибо со дня кончины Александра прошло уже около девяти дней, и бездушное тѣло, привезенное въ зимнюю пору издалека, само собою не могло уже имѣть движенія; и по свидѣтельству лѣтописи, всѣ увѣрились, что Богъ симъ необыкновеннымъ явленіемъ желаетъ прославить своего угодника [102]. Этотъ простодушный разсказъ лѣтописца служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ тому, съ какимъ благоговѣніемъ современники чтили память Александрову.

Первая Новгородская лѣтопись, говоря о кончинѣ Александра Ярославича, заключаетъ свой разсказъ словами: «потрудися за Новгородъ и за всю Русьскую землю» [103]. Позднѣйшая исторія, зная послѣдствія трудовъ Александровыхъ, въ правѣ сказать: Александръ много потрудился для отечества и Богъ благословилъ труды его; всѣ заботы и попеченія Александровы принесли богатѣйшіе плоды. Государи Рускіе, идя по пути, имъ проложенному, не только успѣли отстоять всѣ права Россіи, выхлопотанныя Александромъ у Монголовъ, но даже совершенно освободили отечество отъ зависимости иноплеменниковъ и покорили всѣхъ враговъ земли Руской.

Д. Ч. И. Бѣляевъ.

---

101 Ibid.

102 Ibid.

103 Новг. I. стр. 58.